

кий район) (рис. 64:40, 66:3). Посуда этой формы была широко распространена на территории Беларуси, Литвы (Вайткунскене Л., 1988, с. 171, рис. 3:1), Польши в XV–XVI вв.

Тип VIII. Горшки этого типа имеют очень короткий резко отогнутый наружу венчик, край которого срезан горизонтально (Миневщина) (рис. 64:41). Аналогичные горшки найдены в Лидском замке (Зданович Н. И., 1983, с. 98, рис. 25:IIIБ; Зданович Н. И., 1988, рис. 1:IIIВ) в слое первой половины XVI в., в Мирском замке в слое середины – второй половины XVI в.

Тип IX, вариант А. Горшки этого варианта имеют очень маленький венчик, посаженный на тулово. Край его срезан горизонтально. Плечики в этих горшках резко приподняты (Миневщина) (рис. 64:42–43). Аналогичная

керамика найдена в Лидском замке, в слое XVI в. (Труссов О. А., 1980, д. 5/68, кн. II).

Вариант Б. Горшки этого варианта по профилировке очень близки к горшкам варианта А, но отличаются от них оформлением верха венчика – он слегка заострен (Миневщина) (рис. 64:44). Аналогичная посуда найдена в Мирском замке в слое XVI в. (Зданович Н. И., 1988, с. 146, рис. 1:IIIВ).

Приведенный анализ керамической посуды, собранной под каменными кладками погребений, показывает основные его типы, которые были в пользовании в период с XI до XVII вв. (фото 53–59). Более глубокий, основательный анализ этой категории находок можно будет выполнить только после изучения поселений населения, оставившего эти памятники.

ГЛАВА V

ХРОНОЛОГИЯ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ. ХАРАКТЕР И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ

Вопрос о хронологии каменных могильников Беларуси до последнего времени оставался нерешенным, хотя попытки хронологического членения этих древностей были предприняты В. А. Шукевичем (Szukiewicz W., 1898, s. 214–227) и автором (Квятковская А., 1986, с. 32–41).

Типологический анализ предметов погребального инвентаря и определение его датировок позволяют очертить хронологические рамки функционирования отдельных памятников. Для удобства и наглядности датировки найденных предметов погребального инвентаря представлены в таблице II (см. приложение). В таблице показано время появления и период использования отдельных категорий предметов. Особенно хорошо это видно на примере женских украшений. Например, зонные золотостеклянные бусы были в пользовании с X по начало XII вв.; височные кольца – от X до начала XIV вв.; серьги появляются во второй половине XIII в.; бляшки от головного убора – в начале XII в.; булавки типа “пус йенпи” в XIV в. и т. д.

Кроме того, хорошим хронологическим показателем при датировке погребений являются монеты. Поэтому на первом этапе определения хронологии каменных могильников мы будем опираться на датировки предметов могильного инвентаря, в основном, на

женские украшения и монеты. Керамический материал, в силу недостаточной изученности, пока не используется. Известно, что приемы изготовления и орнаментации горшков также подвергаются влиянию моды, однако в меньшей степени чем, например, украшения. Тем более, что речь идет о сельских погребальных памятниках, а для сельской культуры, в отличие от городской (и это подтверждают данные этнографии) присущ некоторый консерватизм культурных традиций. Таким образом, главным критерием в определении хронологии памятников является наличие или отсутствие отдельных типов украшений и монет в погребениях конкретных могильников. Так, например, в могильнике у д. Подрось найдены золотостеклянные бусы, но нет бляшек. В могильнике у д. Вензовщина (ур. Гончариха) в погребениях найдены бляшки от головных уборов, бусы, но среди них нет золотостеклянных. В могильниках у д. Вензовщина (ур. Гончариха), Дворчаны, Подрось, Маркиняты и других, отсутствуют монеты и т. д. В таблице 12 (см. приложение) представлены данные о размещении и составе погребального инвентаря в отдельных погребениях и его датировки. Эти данные очень важны, так как показывают использование предметов одновременно, что дает возможность более

точно датировать их, а также проследить направления и изменчивость моды, экономические, культурные связи с другими народами.

В зависимости от наличия его ассортимента или его отсутствия, погребального инвентаря и изученные каменные могильники распределились следующим образом:

1) могильники с максимальным количеством инвентарных погребений (мужских и женских) и большим его ассортиментом;

2) могильники, в которых погребальный инвентарь встречен только в женских погребениях, но не во всех;

3) могильники, в которых как женские, так и мужские погребения не заключали инвентаря, но, как и предыдущие, имели внемогильный инвентарь (см. приложение, таблица 13).

Если мы обратимся к карте распространения каменных могильников, то заметим, что наиболее древние каменные могилы с максимальным количеством инвентаря (как женские, так и мужские) располагаются в правобережье Немана и один памятник – у д. Подрось – в левобережье. Отдельные женские погребения, которые содержали инвентарь, отмечены по реке Березине (Днепровской) и по левым притокам Западной Двины. Мужские погребения этой территории – безинвентарные, исключения – редки.

Каменные могильники левобережья Немана в подавляющем большинстве датируются XIV в. и позднейшим временем. Погребальный инвентарь изредка отмечен в женских погребениях и почти полностью отсутствует в мужских. Здесь очень много (в отличие от правобережья Немана) безинвентарных каменных могил.

На первом этапе определения хронологии каменных могил мы

получили данные о датировках отдельных предметов погребального инвентаря, его комплектности, что дало возможность получить информацию о времени функционирования отдельных памятников. Соответственно наличию, ассортименту (комплектности) или отсутствию могильного инвентаря были выделены четыре территориально – хронологические группы памятников, время угасания обычая класть в могилы инвентарь – середина XVI в. (см. главу II).

Следующий этап в определении хронологии каменных могильников связан с выявлением зависимости между могильным инвентарем, погребальным обрядом и конструкциями каменных кладок, это значит в определении этапов эволюции каменных могил (см. приложение, таблица 14).

Первый этап эволюции, на наш взгляд, связан с переходом от обряда трупосожжения к обряду трупоположения – конец X–XI вв. В период от конца XI до середины XIII в. происходила и эволюция погребального сооружения – переход к грунтовым, бескурганым погребениям. Правда, этот переход совершился неодновременно по всей территории распространения каменных могил. Например, изредка в правобережье Немана и особенно по Бугу дольше удерживался обычай возводить курганные насыпи с использованием камней. В грунтовых погребениях отмечены все те черты погребального обряда (а в некоторых случаях и инвентарь), которые имели место и в хронологически синхронных каменных курганах с трупоположениями. Каменные надмогильные кладки представлены вымостками из камней круглой, а чаще овальной, или прямоугольной формы, большие камни в изголовьи и в ногах погребений отсутствуют.

Второй этап эволюции каменных могильников связан с господством обряда трупоположения в грунтовых могильниках и его развитием. В захоронениях этого периода – XI – середина XVI вв. – инвентарь богатый и довольно разнообразный; в могилах прослежен древесный тлен и куски досок от обставок, угольные прослойки. Рядом с могилами зафиксированы кострища. На поверхности могил, чаще в изголовьи, встречены фрагменты керамической посуды и изредка разнообразные предметы – подарки умершим. Каменные надмогильные кладки этого периода овальной и прямоугольной формы. Видимо, начиная с конца XII – начала XIII вв. в изголовье погребений стали ставить природные большие камни, а с конца XIV в. камни чуть меньших размеров, чем в изголовье, ставили в ногах погребений.

Третий этап эволюции каменных могильников характеризуется следующими особенностями. Примерно с середины XVI в. умерших начинают хоронить в домовинах, доски в которых обязательно скрепляли с помощью железных гвоздей. Умерших укладывали навзничь, в выпрямленном положении, головой на запад, с руками сложенными на поясе. В это время могильный инвентарь очень незначительный, а чаще отсутствовал. В изголовье погребений ставили камни до 1 м и более в высоту, тесаные с боков, подтреугольной формы вверху. На многих из них имеются выбитые кресты или крестообразные знаки. В сравнении с предыдущим периодом, размеры и конструкция кладок изменяются незначительно; они становятся меньшими и почти не превышают размеры могильной ямы. Получил распространение новый тип кладок: камни в них положены в 2–4 парал-

лельных ряда. Количество угля в могилах значительно уменьшилось. Теперь это единичные угли. Однако, как и ранее, на поверхности могил жгли ветки, в изголовьи могил помещали черепки битой посуды, однако кости животных – следы совершаемых на могилах поминок – отсутствуют.

Выделенные этапы эволюции каменных могильников позволили увидеть, во-первых (и это очень важно), устойчивость погребальных традиций на протяжении долгого времени. Полученные данные свидетельствуют о том, что от XI и до середины XVI вв. обряд погребения остается неизменным. А изменения, которые произошли в конструкции погребального сооружения заключаются, во-первых, во включении в него дополнительных элементов: это большие камни, которые помещали в изголовье и в ногах погребений. Во-вторых, размеры кладок все чаще не превышали размеров могильных ям. Благодаря этим внешним особенностям каменных могильников, зафиксированным во время раскопок, можно, не производя раскопок на памятнике, определить более – менее точно его хронологию. Например, если кладка – вымостка над погребением размерами 2,8–3,0x1–1,4x0,2–0,35 м и без больших камней в изголовье и в ногах погребения – его можно датировать не позднее начала XIII в. Если же в изголовье погребения стоит камень до 1 м в высоту и более и на нем выбит крест или крестовидный знак, такое погребение можно датировать серединой – концом XVI–XVII вв. и позднее.

Наиболее устойчивая преемственность традиций и направления развития местной материальной культуры отмечены в оружии (напр., наконечники копий, топоры), орудиях труда (ножи, топоры, точильные бруски) и

быта (кресала); принадлежностях костюма (ремни, пряжки, поясные кольца, кожаные мешочки). Причем, как было показано выше, для каждой эпохи характерен свой набор предметов, который определялся также и социальным статусом человека при жизни. Что касается женских украшений, то и им присуща преемственность как в формах, так и в орнаментации. Правда, нужно отметить, что на формирование украшений большое влияние оказывает мода, по причине которой происходит заимствование отдельных типов украшений у других народов, подделки отдельных украшений других народов, чаще соседей. Многие украшения могли попасть на рассматриваемую территорию в результате торгового обмена или как военный трофей. Затем могли послужить как образцы для местных мастеров. Как бы то ни было, для рассматриваемого населения традиционным является использование украшений. Им придавали большое значение и выступали они чаще всего как обереги. Традиционным было и помещение разных предметов – оружия, орудий труда и быта, украшений, амулетов – оберегов и др. в могилы и на их поверхность (керамический материал, отдельные предметы). Указанные традиции позволяют определить характер погребального обряда рассматриваемых могил и причины его изменения с течением времени.

Основные особенности каменных могильников в период от XI до середины XVI вв. сводятся к следующему:

1. Умершего клали в могилу в праздничной одежде, украшенной металлом, давали ему все те предметы, которыми он пользовался при жизни, делали ему подарки, со всех сторон обставляли досками. Могилу слегка

засыпали и насыпали угли или разводили костры над черепом и ногами умершего. Потом могилу окончательно засыпали; изредка на её поверхность клали разные предметы – бубенчики, пряжки, ножи, перстни и прочее, которые следует рассматривать как подарки умершим. Здесь помещали и черепки битой посуды.

2. В заполнении могил прослежены угольные прослойки, рядом с могилами зафиксированы кострища; в кострищах находили кости и клыки, зубы животных, битую посуду – следы совершаемых поминок.

3. Над могилами возводили каменные кладки. Известно, что перечисленные особенности погребальных традиций берут начало в дохристианские, языческие времена. Одним из языческих обычаев был обычай украшать костюм изделиями из металла (Urbanavičius V., Urbanavičienė S., 1988, p. 62), которым придавали особое значение: они выполняли не только эстетическую, утилитарную роль, но и роль оберегов. Поэтому они и присутствуют в одежде, тем более праздничной, в которой было принято хоронить умерших. Количество и качество украшений, это значит благородство материала, из которого они были сделаны, зависели прежде всего от состоятельности владельца, его социального положения. И об этом также свидетельствуют материалы изученных погребений, которые, исходя из найденных там предметов, можно разделить на “богатые” и “бедные”. Таким образом, украшения исполняли также и роль своеобразного “паспорта”, который указывал на общественное положение его владельца.

Сама одежда, ткань или кожа, из которых она была сделана, вполне возможно, украшалась орнаментом, который имел определенный смысл

(Фадзеева В. Я., 1991). Значит весь костюм, украшенный орнаментом и различными металлическими предметами, являлся языческим. Согласно языческим представлениям, все имеет свой, особый смысл и значение, а главная идея язычества – вера в воскрешение. Поэтому умершего хоронили в праздничной одежде, украшенной вышивкой и металлом, с предметами ежедневного пользования и при этом верили, что все это ему понадобится. Набор предметов, который помещали в погребения, диктовался не только социальным статусом умершего. Дифференциация труда, основанная на половом диморфизме, в рассматриваемую эпоху была достаточно четкая и наложила отпечаток на состав погребального инвентаря. В женских погребениях найдены не только украшения, но и предметы быта, например, иголки, пряслица и другие, которые указывали на производственные занятия женщин: прядение, пошив одежды и т. д. В погребениях мужчин – это оружие и предметы быта, встречаются украшения – перстни, бронзовые бубенчики, бусы. Таким образом, хорошо видна определенная комплектность инвентаря, которая также свидетельствует о его языческом смысле.

Перечисленные особенности могильников были характерными для них от XI до середины XVI вв. В этот период происходило эволюционное развитие погребальных традиций у населения, которое оставило эти древности.

Третий этап эволюции каменных могильников ознаменовался значительными изменениями в погребальных традициях населения, и которые с полным правом можно назвать революционными. В погребальном ритуале зафиксированы новые элементы (напр., использование гвоздей для скрепления

досок и погребение в домовинах) и почти полное угасание традиции помещать предметы в могилы. При этом зафиксирована неравномерность протекания этого процесса. Ранее погребальный инвентарь (при сохранении почти всех особенностей погребального ритуала) исчез в могильниках четвертой группы (по реке Березине (Днепровской), левым притокам Западной Двины) в XIII–XIV вв. Причем, мужские погребения XII–XIII вв. и более позднего времени – безинвентарные. Характеризуя могильники, которые располагались на этой территории (напр., у д. Пугилковичи, Осестице, Охвяровщина) В. А. Шукевич указывал, что они имеют аналогии в таких же древностях, выявленных в юго – западных поветах Минской, а также на значительной части Виленской и Гродненской губерний. Удивляло исследователя то, что были они за редким исключением безинвентарные (Szukiewicz W., 1912, s. 221).

В первой половине XVI в., а более всего – в конце XVI в. значительно уменьшается количество инвентаря в могильниках правобережья Немана. Здесь погребения содержали очень мало инвентаря, но получил распространение обычай класть в погребения деньги. Обычай этот возник вместе с появлением собственных денег в Великом княжестве Литовском в конце XIV в.

В могильниках, которые датируются серединой XVI–XVII вв. в левобережье Немана инвентарь отсутствует. Изредка отдельные предметы (обычно перстни) выявлены под каменными кладками, это значит на поверхности отдельных женских погребений. Но погребальный обряд остается неизменным, он имеет аналогии в могильниках правобережья Немана.

Изменения, которые произошли в погребальных традициях населения

Понеманья (и вполне вероятно Побужья), начиная с середины XVI в. в значительной степени были обусловлены следующими событиями. В конце XIV в. в качестве официальной религии в Великом княжестве Литовском произошло принятие христианства в католической его ветви; на государственном уровне произошло изменение идеологии общества. В 1385 г. в Кривском замке Ягайла обязался принять католичество вместе со своими всеми братьями и родственниками, знатными и простыми людьми. В 1386 г. в Кракове он принял крещение, получил имя Владислава и был коронован. И. Д. Беляев сообщал, что в 1387 г. в Вильнюсе Ягайла, уже как польский король, оповестил о принятии латинской веры и приказал польскому войску, которое прибыло вместе с ним, разрушить языческие капища и жертвенники и уничтожить идолов. Сначала были крещены жители Вильнюса, а потом и язычники в других городах. В Вильнюсе был построен латинский кафедральный костел св. Станислава и основана архиепископская кафедра, а также семь епископских кафедр в других литовских городах (Беляев И. Д., 1867, с. 113–114).

Жемайтия в 1387 г. не была переведена в католичество в виду того, что Ягайла в 1382 г. и Витовт в 1398 г. передали её Тевтонскому ордену и, значит, она не подчинялась великому князю.

Что касается каменных могил четвертой группы (расположенных в Подвинье и по реке Березине (Днепровской), то здесь, как уже говорилось выше, инвентарь был очень редким и немногочисленным даже в погребениях XII–XIV вв. Кроме того, и погребальный обряд слегка отличался от того, который был зафиксирован в каменных могилах Понеманья. Напом-

ним, это отсутствие следов поминок на поверхности могил (нет фрагментов керамики и костей животных), малое количество угля или полное отсутствие его в могилах. Причиной появления этих отличий в погребальном обряде может быть, во-первых, крещение населения в православие или, во-вторых, его зависимое положение. И в первом, и во втором случаях целостность погребального обряда нарушалась.

Следует сказать, что все балтские народы сопротивлялись крещению. Так, крещение язычников в Вильнюсе и провозглашение Римской церкви господствующей и государственной во всех литовских владениях не утвердило этой церкви и не дало ей полной силы среди литовского народа. Ее господство было внешним, поддерживалось государственной властью и даже военной силой (Беляев И. Д., 1872, с. 254). А. Погодин отмечал, что крещение Литвы в 1387 г. и Жемайтии в 1413 г. не сопровождалось отказом от языческих культов и “смывалось” населением, как только оно получало возможность жить согласно своего понимания и желания (Погодин А., 1920, с. 16).

Латыши очень долго, даже после принятия христианства сохраняли языческие обычаи. Д. Вундерер в описании своего путешествия по России, которое состоялось в 1590 г., говорил о латышах, что они в это время поклонялись солнцу, луне, звездам, деревьям, теням умерших. П. Эйгорн в “Historia Lettina” жаловался, что латыши не перестают поклоняться древним языческим божествам и деревьям. Сохранился протокол церковной визитации, датированный 1613 г., где сказано, что латыши около Мариенгаузена не имеют ни священников, ни церквей, но все они язычники: поклоняются священному дереву,

под которым собираются в особое время и совершают жертвоприношения. Дуб у них был мужским божеством, а липа – женским. Только 13 мая 1836 г. (!) священное дерево у Эрмеса было срублено тамошним пастором Карбломом. Около этого дерева стоял четырехугольный камень, на который латыши с давних времен клали разные жертвы. Это дерево и алтарный камень находились на возвышенности, которая густо поросла деревьями (Беляев И. Д., 1901, с. 12–13).

А. И. Вольдемар замечал, что христианство литовцы принимали очень неохотно. Из всех мотивов, которыми объяснялся отказ креститься, интерес представляют два: 1) боязнь, что священники новой веры заставят отказаться от родного языка и учиться по – немецки или по – польски; 2) заставят также отказаться от обычаев родной старины и перенимать иноземные (Вольдемар А. И., 1910, с. 164). Это значит, что принятие новой веры рассматривалось язычниками – балтами как потеря национальной самобытности, а, значит, и самостоятельности. Тем более, что проповедниками и носителями христовой веры были злейшие враги, кровавая борьба с которыми велась уже несколько столетий. Кроме того, крещение крестьян (в данном случае в католичество) увеличивало дань, так как они должны были вносить и церковную десятину (История, 1978, с. 54).

Таким образом, вначале, после официального принятия христианства в качестве государственной религии, она так и осталась государственным актом и, как показывают материалы каменных могильников в пределах Беларуси (также, как и могильники Литвы, Латвии), язычество как идеология, было очень сильным на протяжении следующих двух столетий.

М. Стрыйковский через 200 лет после принятия христианства в ВКЛ писал, что “... население измеряло свою жизнь по языческим святкам и они ближе его сердцу, чем христианские.” (Цитата по: Цярохін С., 1993, с. 28).

Во второй половине – конце XVI в. ситуация резко изменилась. Это было связано с деятельностью иезуитов по распространению и утверждению христианства. Идеи новой религии и акты крещения они несли простым крестьянам – язычникам. В более широких размерах появляются школы; их просветительская деятельность началась в XVII в.

Деятельность иезуитов была далеко не мирной. Запреты традиционных обрядов и обычаев носили жесткий характер, сопровождалась наказаниями. Вопреки предписаниям иезуитов, крепостные не всегда регулярно посещали костелы даже в XVIII в. Так, в 1724 г. ректор Гродненской коллегии Иосафат Соколовский узнал, что крестьяне д. Шупени “не придерживаются набожности ... в воскресенье и другие святые дни службы не служат.” Соколовский отреагировал на поведение крестьян следующим образом: “Я, ректор, приказываю своим декретом, чтобы с этого времени подданные каждую неделю и по праздникам в костелы приходили.” Руководителям строго приказывалось, чтобы они внимательно следили за исполнением этого распоряжения не только шупеньскими крестьянами, но и крепостными отдаленных деревень. В их обязанности входило своевременно доносить о нарушениях, за которые нужно было брать с подданных штраф – “фунт воска с дома в пользу костела Гродненской коллегии”. (Цитата по: Блинова Т. Б., 1990, с. 91).

Д. З. Шендрик и М. В. Довнар – Запольский отмечали, что чародейство

– очень старое явление в Северо – Западном крае и уже свидетельства XVI–XVII вв. говорят о многих процессах по преследованию ведьм и чародеев. Тогда их старательно ловили и убивали, помогаясь путем пыток признания (Россия, 1905, с. 168).

В. Урбанавичюс замечал, что много известий о святилищах XVI–XVII вв., составной частью которых являлись камни–жертвенники, сохранилось в реляциях иезуитов. По их предписаниям эти святилища уничтожались, а камни–жертвенники закапывались. Поэтому святилища сооружали чаще всего подальше от чужих глаз (Урбанавичюс В., 1985, с. 165). В то же время запреты церкви затронули и погребальный обряд, в котором наиболее ярко проявилось языческое мировоззрение населения.

Согласно христианской идеологии, после смерти телесная оболочка человека остается на земле, а заключенная в неё временно душа его переселяется в другой мир. В виду того, что душа – невидимая, нематериальная субстанция ей, естественно, не нужны никакие предметы, никакие ценности. Была установлена плата за место на кладбище, за поминание умершего и т. д. Формировался соответственно новой религии погребальный обряд, который отличался от языческого максимальной упрощенностью в отношении умерших. А это, конечно же, никак не могло понравиться населению, которое видело в этом святотатство. Поэтому в погребальном обряде продолжают сохраняться старые традиции: обычай насыпать в могилы угли или жечь ветки, разводять на кладбище кострища и помещать черепки битой посуды в изголовье погребений, сооружать кладки из камней, и изредка – класть предметы в могилы.

Таким образом, изменения, которые произошли в погребальных традициях населения, которое оставило каменные могильники, можно объяснять не влиянием христианских идей, но, главным образом, стараниями их носителей. Хронологически переход от языческого (традиционного) погребального обряда к христианскому погребению умерших происходил на протяжении чуть более трех столетий; причем, период с конца XIV в. (от времени принятия христианства на государственном уровне) и до конца XVI в. – это период господства традиционного, языческого обряда погребения, как и всего уклада жизни. А период от конца XVI до начала XX вв. – собственно переходный период, когда происходил процесс введения христианского погребального обряда в языческий, и утрата последним господствующего положения. Н. М. Никольский писал, что христианская обрядность не могла заменить собой прежнюю, языческую. Действительно, основные моменты этой обрядности продолжали существовать до конца XVI в. Особенно древние культы умерших и предков, а также земледельческие культы, продолжали исполнять почти безо всяких псевдонимов. Вера в колдовство и самоколдовство была общераспространенным явлением. Люди, как и ранее, обращались за помощью и лечением к волхвам, колдунам, знахарям. Причем официальную борьбу с ней (верой) начинают вести более – менее систематически только с XVII в., когда участились процессы над колдунами и колдуньями (Никольский Н. М., 1990, с. 101).

Тем не менее, старания церкви в борьбе с язычеством населения рассматриваемой территории (а вместе и с его этническим самосознанием) оставались малоуспешными. Сущность христианской набожности заключается

у литовцев только в обрядности и нисколько не препятствует им в то же время сохранять полученные в наследство от предков разные обычаи, верить в суеверия, начало которых нужно искать еще в язычестве. Священнослужители прикладывают много усилий, чтобы уничтожить малейшие черты, которые напоминают язычество. Но, не глядя на это и в наше время (XX в. – А. К.) проглядывает еще много уцелевшего от древних обрядов (Живописная, 1993, с. 41).

Е. Р. Романов отмечал, что “беларус любит обряды и нарушение дедовских обычаев считает позором и великим грехом. У него сохранилось много традиционного в обычаях, обрядах и суевериях, которые влияют на его жизнь и хозяйственную деятельность. Природу он боготворил и ей поклонялся” (Романов Е. Р., 1911, с. 35).

Много языческих черт и в XIX в. сохранялось в погребальном обряде. “Крестьяне Гродненской губернии верят в замогильную жизнь, и по этой причине умершему кладут в гроб, если он курил или был пьяницей, табак, трубку, кресало, губку и шкалик водки, пару лыковых лантей, шапку, чистые портянки и веревки к лаптям, а грамотному – книгу. Этот обычай потихоньку исчезает, но еще стойко удерживается в юго – восточной части Слонимского уезда, в глухих деревнях Полесья. В наше время в могилы кладут только медные монеты. На умерших девушек накладывают перстни и одевают их как на свадьбу (напр., в Великой Берестовице).

В четверг пасхальной недели крестьяне идут на кладбища, несут туда пасхальную еду: яйца, мясо, печенье, водку. Стоя на коленях вокруг могилы умершего родственника мо-

лятся Богу за его душу; потом, после молитвы, покрывают могилу скатертью, кладут разную еду, ставят водку, пьют и закусывают, поминают умершего, хвалят его, желают ему царства небесного, а себе долгой жизни. Перед уходом домой обязательно выливают на могилу рюмку водки, оставляют еду и приглашают умерших выпить и закусить. Затем могилы обкладывают дерном и камнями. Так почитаются могилы близких родственников, особенно тех, которые умерли на протяжении последнего года” (Романов Е. Р., 1911, с. 34, 37, 49).

А. Е. Богданович указывал, что погребение под влиянием духовенства и школы в последнее время (конец XIX – начало XX вв. – А. К.) более или менее очистилось от языческих обычаев, но и теперь иногда кладут в карман покойнику – курильщику трубку с табаком, а нюхательщику – табакерку. В недалеком прошлом клали ножи, гребни, а мастерам – некоторые их инструменты ...” (Богданович А. Е., 1895, с. 53).

Таким образом, только в середине – конце XVI в. совершилось крещение языческого населения Понеманья и Побужья, а на протяжении следующих трех столетий – усилилась борьба церкви с языческими традициями населения, распространялся христианский обряд погребения и, именно, на протяжении этих трех столетий происходила утрата большинством населения, которое оставило каменные могильники, этнического самосознания. Христианство, как идеология государственно – имперской формы общности людей, разрушало традиционный уклад жизни моноэтнического общества и объединяло людей не по крови, а по вере.

ГЛАВА VI

ИСТОРИКО - КУЛЬТУРНЫЕ ВЫВОДЫ

Вопрос об этнической принадлежности населения, которое покинуло каменные грунтовые могильники на территории Беларуси до последнего времени оставался дискуссионным. Высказывались различные мнения.

Первый исследователь этих древностей, В. А. Шукевич, подчеркивал, что "... очевидно, народ, прах которого почивает под этими камнями, если не по крови, так в культурном отношении общим был литовским, и хотя немногочисленный, однако имел столько силы отпорной, что неглядя на многовековое сближение с литовцами и политическую от них зависимость, смог сохранить в целостности свои особенности в обычаях" (Szukiewicz W., 1899, s. 32-33). Что "каменные могилы, рассеянные по территории Виленской губернии, имеют черты погребального обряда, характерные для Литвы; и в целом могилы эти являются местным типом древностей, которые были присущи этой земле" (Szukiewicz W., 1899, s. 32). Что "... похожие могилы встречены в древней земле ятвягов, в повете Бельском Гродненской губернии. Последние отличаются от могил Виленских способом положения камней. Тем не менее, и тут и там есть много общих черт и не только во внешнем, но и во внутреннем устройстве. Поэтому или между народами, которые оставили могильники над Бугом и над Котрой, существовала племенная связь, либо территории их граничили" (Szukiewicz W., 1898, s.

227; Szukiewicz W., 1899, s. 32). Как отмечал исследователь, недостаточность материалов не позволила ему более точно решить вопрос об этнической принадлежности населения, погребенного в каменных могилах.

Итоги исследований каменных могил в пределах Беларуси, проведенные В. А. Шукевичем и Э. А. Вольтером, обобщил А. А. Спицын. Он указывал, что "учитывая территорию распространения этих (каменных - А. К.) могил большинство исследователей считало их ятвяжскими. Но это какие - то христианские славянские погребения. Ятвяги не были в XI в. христианами и сжигали умерших" (Спицын А. А., 1925, с. 158).

В. Антонец, рассматривая древности Виленской земли, высказал мнение, что "происхождение каменных могил здесь, возможно, является отражением достаточно позднего проникновения сюда элемента лехитского, который начиная с XI в. усилился из северо - западной Мазовии и, обосновавшись в Подляшье, мог проникать в среду литовско - белорусскую, привнося в неё оригинальные черты" (Antoniewicz W., 1930, s. 120).

Ф. Д. Гуревич считала, что "каменные могилы Понеманья могли появиться в результате естественного перехода от курганного обычая захоронения к могилам с небольшими насыпями. На появление этих могил в Понеманье могли оказать влияние каменные могилы Побужья. Есть все основания

считать, что во второй половине XIII в. часть населения из Побужья переселилась в Понеманье и принесла с собой новый тип погребальных сооружений и ряд находок: являются они общими для Побужья и Понеманья" (Гуревич Ф. Д., 1962, с. 139).

А. Н. Кирпичников считает характерным тот факт, "что упадок русской культуры вследствие военных катастроф середины XIII в. вызвал местами оживление языческих обрядов. Именно к этому времени относится "расцвет" в северо - западной Беларуси весьма низко организованной культуры "каменных могил" с множеством присущих ей военных изделий" (Кирпичников А. Н., 1966, с. 11).

В. В. Седов пришел к следующим выводам. "Для определения этнической принадлежности каменных курганов с труположениями XI-XIII вв. существенным является то, что они ведут свое происхождение от более ранних каменных курганов, ятвяжская принадлежность которых представляется бесспорной. Тот факт, что эти памятники нигде не выходят за границы ятвяжского гидронимического ареала, также косвенно указывает на их связь с ятвягами. Славянский характер женских украшений в поздних каменных курганах - понятен. Каменные курганы относятся к тому времени, когда Верхнее Понеманье и Брестское Побужье уже были заселены славянами и эти земли вошли в состав Древней Руси. Поэтому каменные курганы со славянскими украшениями нужно относить в основном к славянизированным ятвягам" (Финно, 1987, с. 417).

Я. Г. Зверуго, который много лет работал над изучением древностей Верхнего Понеманья и которые датируются XIII в. включительно, этническую ситуацию, которая сложилась здесь в начале XIII в., представляет

следующим образом. "В период с VII по X вв. славяне осваивают почти всю территорию Беларуси и постепенно ассимилируют жившее здесь балтоязычное население. Славянизированные потомки балтов слились с пришедшими славянами, внося заметный вклад в формирование древнерусской, а позднее белорусской народности.

Ассимиляция балтов ... Верхнего Понеманья продолжалась почти до XII-XIII вв. Часть балтского населения была, видимо, отодвинута на северо - запад и небольшая его часть, возможно, уничтожена; но основная масса осталась на прежних местах, образуя где - нибудь значительные острова среди славян - пришельцев" (Зверуго Я. Г., 1981, с. 24-27; Зверуго Я. Г. 1985, с. 105). "В XII-XIII вв. наиболее существенной чертой этих взаимоотношений являлся их миролюбивый характер. Убедительным доказательством этому является сохранение на вновь занятой славянами территории гидронимического слоя балтского происхождения и повсеместное распространение смешанных балтско - славянских браков" (Зверуго Я. Г., 1989, с. 15).

Таким образом, как видно из приведенных цитат, мнения ученых об этнической принадлежности населения, которое оставило каменные могильники на территории Беларуси, разделились. Одни исследователи считали эти памятники ятвяжскими, другие - памятниками потомков славянизированных ятвягов. В качестве доказательства они приводили два довода: 1) что эти земли были заселены славянами и вошли в состав Древней Руси; 2) славянский характер некоторых женских украшений.

Письменные источники, исторические исследования и материалы, полученные в результате раскопок каменных могил на территории Белару-

си, не подтвердили выводов некоторых исследователей о славянизации ятвягов. Этническая ситуация и история рассматриваемой территории в период от XI до XVII вв. выглядели совсем иначе.

Опираясь на материалы, полученные в результате исследований каменных могильников Беларуси установлено следующее.

В XI–XIII вв. на территории, указанной выше, в результате эволюции, сменяя каменные курганы широко распространились каменные могилы – сооружения грунтового типа. Зафиксированы они в Пономанье, Побужье, верховьях Ясельды (левого притока Припяти), по рекам Вилии (Нярис), Березине (Днепровской), левым притокам Западной Двины и в районе Лепельских озер.

На очерченной территории выделены четыре территориально – хронологические группы этих памятников: а) в правобережье Немана, б) в левобережье Немана, в) Побужье и верховьях Ясельды, г) по рекам Вилии (Нярис), Березине (Днепровской) и левым притокам Западной Двины. В связи с недостаточной изученностью каменных могил Побужья и верховьев реки Ясельды, мы не имеем возможности представить в процентном отношении древние и поздние каменные могильники.

Если три первые группы рассматриваемых древностей расположены на территории, где были выявлены их предшественники – каменные курганы, с трупосожжениями и трупоположениями, середины I и начала II тысячелетия после Р. Х., так четвертая группа этих памятников располагается за её пределами. Имея много общих черт с могильниками правобережья Немана, они отличаются от них в первую очередь очень редким и малым количеством инвентаря в женских погребениях и полным отсутствием

его – в мужских. Кроме того, в погребениях могильника у д. Волча, фрагменты керамической посуды встречены в изголовье только трех погребений из 22-х изученных. В могильнике у д. Перевоз они полностью отсутствовали. И это при том, что погребения (согласно найденному инвентарю) датируются XII–XIV вв. и позднейшим временем. В. А. Шукевич также подчеркивал эту особенность в каменных могильниках Борисовщины (Szukiewicz W., 1912, s. 221). Следует отметить также, что каменные могилы этой группы располагаются всегда по – соседству с земляными курганами, обряд погребения и инвентарь которых свидетельствуют в пользу кривичской принадлежности населения, погребенного в них.

В каменных могилах зафиксированы два вида захоронения: немногочисленные, известные в наше время трупосожжения, которые выполнены на стороне и на месте, в ямах. Однако большинство погребений выполнены по обряду трупоположения, изредка на горизонте, а в большинстве случаев – в ямах. Прослежена традиционность, целостность и преемственность погребального обряда на протяжении долгого времени. Аналогии ему находим в пруссо – ятвяжских древностях.

Погребальный инвентарь, который состоял из могильного и внемогильного, имеет прямые аналогии в древностях ятвягов, пруссов, литвы и латгалов, это значит, в древностях балтских, традиционных для Прибалтийского историко – культурного региона. Прослеживается преемственность традиций в материальной культуре, традиция использования украшений и предметов и обязательное их помещение в могилы умерших, что связано с широко распространенным и особенно почитаемым у балтских народов культом предков.

Выше уже отмечалось, что соседями рассматриваемого населения были: 1) вольняне – на юге; 2) дреговичи – на юго – востоке и востоке; 3) кривичи – на северо – востоке; на севере и северо – западе – литва. Для каждого из этих племен был характерен свой, особый тип погребального сооружения, обряд и инвентарь.

В X–XII вв. по внешнему виду вольнянские курганы (с трупоположениями) полушаровидные и конусообразные, высотой 1–2 м, с кольцеобразными ровиками у основания и ничем не отличаются от погребальных насыпей других восточно – славянских племен. В насыпях встречены уголь и пепел, фрагменты ритуально разбитых горшков, а также остатки справляемых поминок (кости животных и птиц). Как и все древнерусские курганы, погребальные насыпи вольнян в зависимости от места трупоположения делятся на три типа: 1) с погребениями на горизонте, 2) с погребениями в грунтовых ямах, 3) с погребениями в насыпях – очень редко.

Во многих женских погребениях вольнян отсутствуют украшения или встречены единичные предметы. Наиболее характерным височным украшением вольнянских женщин были перстнеобразные кольца диаметром от 1–1,5 до 3–3,5 см, выполненные из тонкой бронзовой, изредка – серебряной проволоки. Встречены немногочисленные ожерелья, в состав которых входили бусы: стеклянные или пастовые. К ним присоединялись единичные металлические, сердоликовые, яшгартные или из хрусталя бусы, металлические подвески. Браслеты не были в моде у вольнянских женщин. Около скелетов мужчин и женщин найдены бронзовые или железные пряжки, поясные кольца и пуговицы (бронзовые, железные, костяные и деревян-

ные). Часто умерших в вольнянских курганах хоронили с железными ножами, которые носили в кожаных или деревянных ножнах. Изредка встречены в курганах калачевидные или овальные кресала и точильные бруски. Глиняные горшки попадались изредка, чаще встречены фрагменты горшков в насыпях. В Вольнянских курганах выявлены ведра, выполненные из дуба, с железными обручами и дужки.

Курганный обряд погребения в земле вольнян дожил до XII в. Позднее языческий ритуал сменился на христианский (Седов В. В., 1982, с. 96–101).

Погребальные памятники дреговичей по внешнему виду круглые в плане и имели полусферическую форму. В основании курганов имеются кольцевые канавки – ровики. Часто кольцевая канавка имела три-четыре перемычки, которые оставляли для проходов к подножию кургана во время сооружения насыпи (Лысенко П. Ф., 1991, с. 18). В XI–XIII вв. у дреговичей господствовал обряд трупоположения. Известны три типа курганных трупоположений: 1) погребения на материке, 2) погребения в насыпи, 3) погребения в подкурганных ямах. Наиболее многочисленные курганы с трупоположениями на горизонте.

Как отмечал В. В. Седов, дреговичи расселились в значительной степени на территории балтов. Поэтому набор женских украшений, в отличие от других племен юго-западной части восточного славянства, состоит из большого количества предметов и достаточно разнообразный.

Самым важным этноопределяющим предметом у дреговичей являются крупные металлические бусы, покрытые зернью. Встречены в погребении также полутораоборотные перстнеобразные височные кольца. В состав

дреговичских шейных ожерелий входили одна – две крупные металлические бусы, покрытые крупной зернью, пастовые и стеклянные бусы, изредка – сердоликовые и из черного хрусталя, ложнозерненные или штампованные монетовидные привески, лунницы. Чаще чем у волянян, древлян и полян, в дреговичских курганах встречаются браслеты: круглопроволочные и витые тройные с завязанными или петлеобразными концами. Перстни нескольких типов: проволочные, витые, жгутовые, ложновитые, широкопластинчатые с завязанными концами и “усатые”. Погребения мужчин в дреговичских курганах, как правило, безинвентарные (Седов В. В., 1982, с. 114–118).

Уже в X в. у кривичей появились первые труположения, а в первой четверти XI в. обряд кремации окончательно сменился труположениями. Ритуал очищения огнем места, предназначенного для захоронения умершего существовал у кривичей на протяжении XI в. В XII в. разведение кострища становится необязательным и широко распространяются насыпи с труположениями на материке без кострищ. К этому же времени относятся насыпи с труположениями выше горизонта. В XII в. для труположений начинают выкапывать прямоугольные подкурганые ямы, которые сначала были неглубокими. В XIII в. погребения в глубоких ямах становятся господствующими.

Характерным височным украшением полоцких кривичей были браслетообразные завязанные кольца. Очень часто в курганах находили шейные ожерелья из бус и металлических привесок. Стеклянные позолоченные или посеребренные бусы боченкообразной или цилиндрической формы наиболее были распространены в ареале кривичей. Привесками в ожерельях служили

лунницы; круглые пластинчатые или ажурные подвески и крестики. Среди нагрудных привесок, которые носили на шнурках или цепочках, известны изделия в виде пластинчатого конька (собачки). Часто такие подвески носили в сочетании с другими подвесками — бубенчиками, ложечкой, ключом, гребешком; встречаются они и отдельно. Встречены шейные гривны, браслеты, перстни. К принадлежностям мужского костюма относятся пряжки, поясные кольца и поясные наборы. Найдены подковообразные застёжки и пуговицы. В погребениях женщин и мужчин попадаются железные ножи и глиняные горшки.

В. В. Седов отмечал, что балтские и финно – угорские элементы в кривичских курганах VIII–XII вв. бесспорно свидетельствуют об участии дославянского этноса в генезисе смоленско – полоцких кривичей. Многочисленные балтские черты присущи также для древностей дреговичей, что также может свидетельствовать о значительной роли местного населения и влияния его культуры на них (Седов В. В., 1982, с. 159–164).

Таким образом, погребальные сооружения волянян, дреговичей и кривичей – курганы насыпали из песка, а вокруг насыпей находились ровики. В XI в., начале XII-го века курганный (языческий) обряд погребения по причине крещения славян сменился христианским. Следует отметить, что курганы ятвягов были сооружены из камней, песчаная насыпь незначительна. Вокруг них отсутствуют ровики – канавки. В XI–XII вв. каменные курганы сменяются грунтовыми могилами с каменными кладками на поверхности. Погребальный обряд и инвентарь их также отличен от славянского, тем более, что ятвяги оставались язычниками, а славяне приняли христианство.

Восточно-литовские курганы, круглые в плане, диаметром от 5 до 20 м, высотой от 0,3–0,4 до 2–3 м. В X–XII вв. обряд погребения – трупосожжение на стороне. Остатки пережженных костей и инвентаря, а изредка и небольшое количество углей, помещали компактно в насыпи на разной глубине или на материке под насыпью. В одном кургане содержатся от 1 до 3–5 трупосожжений без урн. В курганах начала II тысячелетия кроме лентных горшков, найдены и гончарные, изредка украшенные волнистыми или горизонтальными линиями. В конце I – начале II тысячелетия существовал обычай хоронить сожженного коня отдельно от человека, насыная ему специальный курган.

В мужских погребениях найдены накопечники копий, топоры, ножи, пряжки, шпоры. В женских погребениях найдены украшения головы из бронзовых пластинок и нескольких рядов бронзовых спиралей, к которым часто привешивались на бронзовых цепочках подвески в виде звоночков; шею украшали ожерелья, в состав которых входили бронзовые спиральные бусы (Финно, 1987, с. 392–394). Следовательно, и эти погребальные памятники значительно отличались как в конструкциях, так в обряде и инвентаре от каменных могил.

Каменные грунтовые могильники, как было показано выше, появились в конце XI в. в результате эволюции каменных курганов – погребальных сооружений ятвягов. Эволюция в конструкции погребальных сооружений рассматриваемого населения заключалась в том, что в конце XI в. исчезают курганные насыпи, вместо них над грунтовыми могилами сооружают каменные кладки. Это значит – сменилась форма погребального сооружения, которая не затронула сущности погреб-

бального обряда: он удерживал все черты обряда предыдущего времени, значит, оставался языческим.

С точки зрения культурной принадлежности населения, которое оставило каменные могильники в пределах Беларуси, учитывались следующие выводы исследователей.

“Отсутствие курганов – признак неславянского населения” (Седов В. В., 1953, с. 201–202). К балтским относится культ камня и культ змеи (Седов В. В., 1966, с. 305). Захоронение в деревянных обставках и домовинах – черта, присущая для балтских народов. Для славян в целом не характерно погребение в гробах. Оно встречается только в тех районах, где славяне граничили с балтским миром, а потому и восприняли от последних этот обычай (Седов В. В., 1982, с. 118). “К специфически балтским древностям относятся латгальские головные венчики – вайнаги (спирали, разделенные бляшками), украшения со змеиноголовыми концами, спиральные перстни и браслеты, фибулы, шейные гривны, звездообразные пряжки” (Седов В. В., 1966, с. 302–303), раковины каури. “В древнерусских курганных древностях они почти не встречаются” (Седов В. В., 1953, с. 198). “Звериноголовые браслеты появляются в Прибалтике в конце X – начале XI вв. и были в пользовании до XIII в. В XI–XII вв. они распространяются по всей юго-восточной Прибалтике, а в Беларуси в междуречье Западной Двины и Березины, в верховьях Птичи, значительно меньше по Днепру и его левым притокам” (Сергеева З. М., 1981, с. 30). “На прибалтийских изделиях весьма распространен орнамент из косоугольного креста, ромбов, треугольников из насечек, елочек” (Сергеева З. М., 1978, с. 39). “О распространенности украшений

среди прибалтийских женщин писали многие путешественники XVII–XVIII вв. И. Брант обратил внимание на обилие у них пряжек и перстней” (Историко, 1986, с. 87). “Топор – предмет столь характерный для латгальских погребений, что обычай этот существовал у латгалов и в христианское время” (Соловьева Г. Ф., 1963, с. 104). Предмет этот был характерен для погребений Литвы (до конца XVI в.), и каменных могил территории Беларуси.

К “славянским относятся привески: лунницы, кресты, обычный конек, круглые гладкие привески, наборы амулетов, которые представляют миниатюрные изображения предметов быта (миниатюрные ложечки, ковшики, ножики, гребешки – датируются X–XII вв.)” (Журжалина Н. П., 1961, с. 123).

“Символы Солнца и Луны (круглые подвески, лунницы и т. д.) чаще встречаются на левобережье Днепра и в Поволжье; а на правом берегу этой реки и в Беларуси больше находок символов Перуна” (Боровский Я. Е., Моця А. П., 1990, с. 134). Во многих славянских курганах IX–X вв. встречаются бронзовые и глиняные объемные фигурки языческих богов с выдержанными пропорциями тела” (Боровский Я. Е., Моця А. П., 1990, с. 127). “К типично славянским предметам относятся рубчатые перстни и привески – лунницы” (Седов В. В., 1953, с. 196). Миниатюрные “топорики ни разу не найдены в составе комплектов древнерусских подвесок – амулетов XI–XIII вв. на одной основе с ними” (Даркевич В. П., 1964, с. 93–94).

После крещения древнерусская культура в основе своей оставалась языческой, и это проявилось в том, что диадемы, монеты, колты, браслеты, а также предметы домашнего употребления щедро украшались разнообразной языческой символикой

(дерево жизни, птицы – сирины, крины, грифоны, ситарглы); змеевики – привески (с одной стороны изображение святых, а с другой – изображение змееной женщины – древнего божества в образе девы – змеи) (Боровский Я. Е., Моця А. П., 1990, с. 127). При этом, как уже отмечалось выше, славяне много чего из балтской культуры заимствовали в результате пограничного расположения или по причине поселения в балтском окружении, т. е. мы можем говорить об ассимиляции балтами славян.

Перечисленные выше особенности культуры, присущие балтам и славянам, позволяют рассматривать каменные могильники Беларуси конца XI–XVII вв. как древности балтские. Выше уже говорилось, что исследователи определили этническую принадлежность населения, которое оставило каменные могильники на территории Беларуси, как потомков славянизированных ятвягов. Так имела ли место славянизация ятвягов?

Письменные источники о периоде до конца X в. не содержат никаких известий о народах, которые населяли рассматриваемую территорию, за исключением земель по верхнему течению левых притоков Западной Двины, в районе Лепельских озер и по реке Березине (Днепровской). Первые известия относятся к концу X в. и сообщают о походах славянских — киевских, позднее галицко – волыньских и польских князей на ятвягов, что позволило историкам локализовать территорию их проживания. Мнения исследователей о территории ятвягов разделились. Одни считали, что до XIII в. ятвяги заселяли огромные пространства, которые включали Сувалкию, Подляшье, Берестейскую волость и Верхнее Понеманье. В русской историографии это мнение поддерживали Н. П. Барсов,

В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, П. Д. Брянцев, И. Филевич, М. Любавский и другие; в польской – Т. Нарбут, Д. Шульц, Я. Ярошевич и Шэгрэн, который к выделенной территории прибавлял еще и юго – западную Литву.

Другие исследователи – Ю. Кулаковский, Н. П. Авенариус, М. Тэншен – отрицали широкое расселение ятвягов. Начиная с 50-х годов нашего столетия много внимания истории и археологии ятвягов уделяют польские исследователи. Они ограничивают древнюю ятвяжскую территорию небольшим участком северо – восточной Польши и считают, что Берестейская волость и Верхнее Понеманье не были заселены ятвягами (А. Каминский, Е. Антоневич). Это мнение разделяла Ф. Д. Гуревич (Финно, 1987, с. 413–414).

В. В. Седов на основе данных археологии, гидронимики, топонимики и других очерчивает древнюю ятвяжскую территорию следующим образом: ятвяги занимали северо – восточные районы современной Польши, земли Белорусского Понеманья, юг Литвы, Литовское Занеманье и часть Брестского Побужья (Финно, 1987, с. 414). На этой территории были выявлены погребальные сооружения – каменные курганы и каменные грунтовые могилы. Причем, каменные курганы с трупосожжениями последней четверти – конца I тысячелетия признавались бесспорно ятвяжскими.

В. В. Седов на основе археологических и других данных провел членение земли ятвягов следующим образом. Центральным регионом Ятвягии была Сувалкия (Польша). Согласно средневековым письменным источникам, эта область называлась Судовией. Вторая ятвяжская группировка выявляется в бассейне реки Лек, которая в средние века называлась Полексия и составляла регион

расселения племени полексян. Третий регион ятвягов выявляется в Литовском Понеманье: его этноним неизвестен. Следующая племенная группа ятвягов локализуется в правобережной части бассейна верхнего течения Немана. Это ятвяжское племя называлось Дэйнавой. Вероятно, еще одно ятвяжское племя проживало в левобережье Немана, его название неизвестно*. Отдельную племенную группу составляли ятвяги, которые проживали в междуречье верхнего Немана и Буга. Определить ее название трудно. В древнерусских летописях упоминаются ятвяжские племена злищев, крименцев и покенцев (Седов В. В., 1989, с. 50–55).

Приведенная племенная дифференциация ятвягов, относительно территории Беларуси, подтверждается наличием территориально – хронологических групп каменных могильников.

Если три первые группы этих памятников расположены в древней ятвяжской земле, то четвертая, которую мы локализовали по рекам Вилии (Нярис), Березине (Днепровской) и левым притокам Западной Двины в районе Лепельских озер, располагается за ее пределами.

Причиной появления каменных могильников, объединенных нами в четвертую территориальную группу, могут быть события, отраженные в письменных источниках.

В. Е. Данилевич, ссылаясь на В. Н. Татищева, сообщал, что в 1102 г. Борис Всеславич (Полоцкий) совершил поход на своих западных соседей — ятвягов. Поход был удачный. Возвращаясь назад, Борис Полоцкий построил

* Имеется упоминание о том, что до XII в. территория, с городами Слоним, Волковыск и Новогрудок называлась Кривия (кривежрец). Позднее эти земли получили название Черная Русь.

город и назвал его в свою честь Борисовым. Возможно, что он построил город для пленных ятвягов (Данилевич В. Е., 1896, с. 73). Кроме того, есть известия о том, что Глеб Менский часто врывался в земли Литовского князя и брал в плен его подданных. От Припяти до Днепра, от верховьев Немана до Двины он литовал. Взятых в плен частично селил в пустынных околицах Березины (начало XII в.). Выше уже говорилось, что каменные могильники этой группы отличаются от понеманских некоторыми особенностями. И этому находится объяснение. Зависимое положение и, возможно, крещение в православие привели к тому, что погребальный обряд их утрачивает некоторые черты (отсутствие в большинстве случаев керамической посуды в изголовье погребений, малое количество угля в заполнении могил). Каменные могилы этой территориально - хронологической группы располагаются всегда по соседству с земляными курганами, обряд погребения и инвентарь которых свидетельствуют в пользу кривичской принадлежности населения, погребенного в них. Здесь мы наблюдаем сосуществование двух разных обрядов погребения в одном могильнике, причем каменные могилы не содержат черты погребального обряда или инвентаря кривичей и наоборот. В результате можно говорить о сосуществовании на этой территории двух этнически разных групп населения.

Выше уже приводилось утверждение исследователей о том, что славянская колонизация Понеманья носила мирный характер.

Под 983 г. в русской летописи содержится сообщение о первом большом столкновении Руси с ятвягами: "Иде Володимир на ятвягов и победи ятвяги и взя землю их" (Повесть, 1910,

с. 80). В XI-XII вв. походы русских князей на ятвягов продолжались, что приводит к выводу, что борьба с ятвягами не прекращалась, а победа князя Владимира была не прочная. "Ярослав иде на ятвягов" – сообщение датировано 1038 г. (Повесть, 1910, с. 150). В 1112 г. князь Ярослав Святополчич ходил походом на ятвягов; а в 1116 г. – князь Роман Мстиславич ходил на ятвягов "отомщеваться", ибо повоевали волость его.

Причину этих походов П. Н. Батюшков видел в следующем. Ятвяги, господствуя над течением Припяти, отрезали пути сообщения Киева с Побужьем и Поднепровьем. Это явилось причиной к покорению ятвягов или, хотя бы отодвинуть их на север и северо – запад. Это еще начал осуществлять князь Владимир (Батюшков П. Н., 1890, с. 13). Б. Влодарский отмечал, что "распространение власти Древнерусского государства в направлении прусских земель имело огромное хозяйственное значение. Несомненно, что главные торговые пути "из варяг и греки" проходили по Днепру и Волхову до Новгорода и Ладоги, однако во внешней торговле важную роль могли играть также Западная Двина и Неман. Владение устьем Немана сократило бы торговый путь на Запад и в Скандинавские страны. Русская западная торговля проходила транзитом через Польшу; когда возникли конфликты с Польшей, Русь вынуждена была пользоваться дальним, обходным путем к северным портам Балтийского моря, хотя путь через прусские земли был значительно короче" (Влодарский Б., 1961, с. 117-118). По мнению В. Т. Пашуго, Ятвягия являлась пограничной территорией, где столкнулись интересы Польши, Руси, а позднее и интересы немецкой рыцарской агрессии: все они стремились завладеть важной в военно

– политическом отношении земель. (Пашуго В. Т., 1959, с. 32).

Русь пробовала подчинить ятвягов с помощью различных приемов. Одним из них являлось установление даннических отношений. М. Любавский отмечал, что эти даннические отношения не закрепились, и с конца XI – начала XII вв. доходят известия о новых походах южно – славянских князей на эти земли (Любаўскі М., 1929, с. 4-5). Значит утверждение исследователей о мирном проникновении славян в земли балтов – беспочвенны, являются измышлением и не соответствуют реальному положению дел.

К концу X-XII вв. относится возведение в Понеманье городов. В археологической литературе утвердилось мнение, что славянские дружины в процессе колонизации земель балтов основали крепости – города (как отдельные пункты колонизации) на пустых, незаселенных местах (Гуревич Ф. Д., 1981; Гуревич Ф. Д., 1982; Воронин Н., 1954, и др.), как правило, возвышенностях, чаще в месте слияния двух рек.

Во-первых, совсем невероятно, чтобы территория, на которой поселилось племя, хотя бы частично являлась липней. Существовала определенная система в планировке и использовании племенем территории: 1) поселение с жилыми и хозяйственными постройками; 2) святилище, 3) могильник, 4) пашня и сенокос, 5) выгоны для скота, 6) места сбора дополнительных продуктов питания и строительных материалов – леса, реки, озера, 7) священные участки – дубравы, крыницы, реки, озера и пр. и которые следует рассматривать как своеобразные заповедные зоны, и которые предназначались для восстановления равновесия окружающей среды и одновременно были разделительной полосой между территориями племен. Одним

словом, территория, которую занимало племя, должна была соответствовать его экономическим и культурным потребностям, это значит – уровню его развития.

Во-вторых, трудно себе представить, как дружина, которая с боями врывается на чужую территорию и на пустом месте, среди лесов и болот, во враждебном окружении начинает заниматься таким совсем мирным занятием, как возведение крепостей. Скорее всего, под крепости временно приспосабливали уже существующие поселения, население которых было убито, или вынуждено убежать из родных мест по причине вражеской агрессии. В географическом отношении славянские крепости были возведены в районах с развитым земледелием. В низких, заболоченных регионах Верхнего Понеманья и Среднего Побужья славянские крепости отсутствовали.

Во-третьих, к особенностям рассматриваемой территории относятся многочисленные болота, низины, реки и озера. Значит возвышенностей и горок здесь незначительное количество. Еще в середине прошлого столетия П. М. Шпилевский писал, что в Беларуси очень часто возвышенности и горки носят названия Перуновых гор. Народная традиция связывала Громовержца с возвышенностями и небом. На Перуновых горках располагались капища, посвященные Перуну, здесь находился и его символ – стод или просто валун. Изредка возвышенности и горки считались местом пребывания воображаемого божества. "Здесь, на возвышенных местах, приносили в жертву птиц, зверей и даже камни, здесь происходили игры, пляски, народные пирушки, ворожба, гадание знахарей – вещателей, обряды праздников и общественных событий"

(Шпилевский П. М., 1992, с. 106–107). Такие Перуновы горки, как показали исследования последних лет, всегда располагались рядом с поселениями. Следует думать, что самые большие возвышенности и особенно те, которые располагались у слияния рек, были особенно важными и, возможно, главными святилищами. Литовские исследователи также отмечают, что возвышенности в Литве считались местом пребывания богов, это значит священными.

Возведение крепостей – городов на местах святилищ известны в земле пруссов в XIII в. Так, в 1231 г. наместник Пруссии Герман Балк с войском перебрался через Вислу и дошел до одного из прусских святилищ, где стоял дуб, которому поклонялись местные жители. Крестоносцы укрепили его – окружили валами и рвами, повесили на дуб свою хоругвь и отбивались от пруссов, которые стремились прогнать чужаков от святого места. Через некоторое время на этом месте был заложен замок и город Торунь (Краўцэвіч А., 1993, с. 12). То же самое происходило и на рассматриваемых землях – Понеманья и Побужья. Возведение славянами крепостей на священных для местного населения местах не могло не рассматриваться им кроме как осквернение последних, что также препятствовало для мирных взаимоотношений.

Этнический состав населения городов с самого начала был пестрый. Ф. Д. Гуревич отмечала, что приемы домостроительства, предметы материальной культуры, найденные во время раскопок древнего Волковыска, показывают на то, что он был основан выходцами из Волыни. Кроме того, материальная культура этого города свидетельствует о присутствии западных славян – мазовчан, а также балтов (Гуревич Ф. Д., 1983, с. 64–65).

“Балтские элементы в погребальном обряде курганов окрестностей Новогрудка свидетельствуют о наличии здесь в древности отдельных небольших групп балтских племен”. (Павлова К. В., 1981, с. 40). Это естественно, так как города выполняли административно – торговые функции. Дело не в том, что материальная культура представляет собой симбиоз различных культур в пределах одного города, а в том – в чьей земле располагается город. Земли же Понеманья и Побужья никогда не входили в состав Древнерусского государства, а с начала XIII вв. находились в составе Великого княжества Литовского.

О древних городах Понеманья написаны монографии, брошюры, статьи. А что же в действительности представляли собой эти города и какой была их роль в крае в период от времени возникновения и до начала XIII в.?

И. Д. Беляев отмечал, что “тамошние города (Зельва, Слоним, Свислочь, Волковыск, Гродно, Новогрудок и другие – А. К.) были не более, как передовые посты в деле обороны от ятвягов и даже менее чем передовые посты, а скорее – вежи для обозначения пройденного пути. Города эти не имели никакой власти над этим краем: их то захватывали ятвяги и разрушали, то вновь возвращали и отстраивали колонисты, о чем свидетельствуют также и многочисленные походы славянских князей с целью усмирения и подавления ятвягов (Беляев И. Д., 1872, с. 29).

В исторических источниках содержатся сведения о том, что в начале XI в. князь Владимир посылал епископа Леонтия в землю ятвягов для утверждения там веры и епископской кафедры и что Леонтий доходил до Новогрудка. Кроме того, владыки туровские, чтобы поддержать отноше-

ния с князьями литовскими, высылали к ним своих иноков, как поверенных в делах и благовестников веры Христовой при их дворе. Иноки туровские распространяли православие при дворе Скимунда, Рингольда, Эрдвила и Миндовга. В начале XIII в. в окрестностях Новогрудка была основана знаменитая позднее Лавришевская обитель (Материалы, 1864, с. 389–392).

Во время раскопок городов Понеманья – Гродно и Новогрудка – в них действительно открыты православные храмы XI–XII вв. Но это в городах. Аборигенное население христову веру от завоевателей не принимало: у нас нет никаких известий о православных храмах за пределами городов потому, что их не было в то время. Попытка князя Владимира крестить население подвластных земель потерпела провал. Поэтому Владимир окрестил всю собственную Русь и оставил некрещеной Русь инородческую. Все инородцы были данниками Руси, но все они были не склонны к ней и не составляли настоящей Руси. Необходимо было позаботиться о том, чтобы обрусить их. Но чтобы успешно и быстро достигнуть последнего, нужно было не раздражать их, не возбуждать искусственным путем чувство их особой национальности и не давать им повода поднимать знамя восстания за веру предков, чем легко была бы создана упорная враждебность, которая на долгое время оторвала бы их от славян. Поэтому все инородцы не были крещены. Например, в земле вятичей христианство окончательно утвердилось только в середине XV в. (Голубинский Е. Е., 1880, с. 153, 154, 181).

Таким образом, в городах проживало население, частично крещеное в православие, в сельской местности аборигены были язычниками. Это также создавало серьезное препятствие

в деле мирных взаимоотношений, а для христиан являлось поводом к агрессии в отношении к язычникам.

Очень интересные известия о национальном характере ятвягов и их памятниках приводит И. Д. Беляев. Он указывал, что “согласно летописных свидетельств, которые дошли до нас, самым диким, независимым и воинственным среди других балтских племен было племя ятвягов” (Беляев И. Д., 1867, с. 6–7). “... В дошедших сведениях единогласно говорится о том, что ятвяги никогда не отказывались от битвы и готовы были умереть, чем сбежать, а потому и победы над ятвягами стоили очень дорого” (Беляев И. Д., 1872, с. 44). “...ятвяги все время находились во враждебных отношениях со всеми соседями, за исключением прусского племени, которое называлось Бортями, с которыми вступали в союз”. (Беляев И. Д., 1872, с. 31–32). “... что колонизация ятвяжской земли почти исключительно происходила в результате боя, ятвяги не пропускали к себе колонистов ... собственно в ятвяжской земле почти не было колоний, ... что ятвяги, согласно всех свидетельств, народ храбрый и до того вольнолюбивый и неуступчивый, что в битвах защищал каждую пядь своей земли и все битвы с ними были самые упорные. При таком внутреннем устройстве ятвяжской земли и при таком народном характере ятвягов, выработанном у них историей и жизнью, нельзя было и думать о мирной колонизации в их землю, особенно в древние времена, нельзя было вступить в соглашение; землю их можно было взять только с боя, загоняя их в глубь лесов и пущ, и каждую отвоеванную местность закреплять через сооружение крепости – города, совсем очищая её от старожилы – туземцев. Так и делал Данила Галицкий ... Ятвяги, как и в

древности, так и в более поздние времена, никогда не входили в состав русского или литовского населения в этом крае, но всегда оставались чужими, хотя изредка и временно были союзниками последней. Ятвяги никогда не поддавались на объединение с соседями и на все окружающие народы смотрели как на извечных врагов” (Беляев И. Д., 1872, с. 53–58).

Особенности народного характера ятвягов нашли отражение и в поговорке, которая существовала в XIX в. среди белорусов: “Wyglądać jak jatwinga” (здесь “ятвяг” в значении “разбойник” – А. К.). До середины XIX в. у населения в окрестностях Бобруйска существовало присловье: “Jaćwież jak jeż”. Это присловье было широко известно на Полесье еще в прошлом столетии (Прыказкі, 1976, с. 508).

И. Д. Беляев сообщал, что “неподалеку от Гродно многие курганы носят в народе название ятвяжских могил” (Беляев И. Д., 1872, с. 56). Он отмечал, что о религии ятвягов почти не содержится известий кроме того, что были они язычниками. Польские хронисты называли их болванохвальцами. Кадлубек утверждал, что ятвяги верили в переселение души из одного тела в другое и поэтому ни один из них не сбегал с поля боя и не позволял врагу взять себя живым. Другой отмечал, что ятвяги по языку, образу жизни, религии и нраву имеют большое сходство с литовцами, пруссами и жмудью. Ятвяги, согласно своей религии, хоронили умерших в земле, но не сжигали их” (Беляев И. Д., 1872, с. 52–53).

Выше уже говорилось о том, что большая часть предметов погребального инвентаря имеет аналогии в древностях пруссов, ятвягов, литвы, жемайтов, латгалов, это значит, в древностях балтов.

В. В. Седов и другие исследователи сделали вывод о “славянизации” ятвягов

в период от XI до XIII вв., основываясь также на найденных в каменных могилах этого времени отдельных предметах, которые, по их мнению, имеют славянское происхождение. Действительно, в отдельных каменных курганах и могилах найдены многобусинные и трехбусинные височные кольца, с отогнутым наружу одним концом и загнутым в кольцо, и иногда с петелькой – на другом, с S-видным завитком, полутораоборотные и перетнеобразные. Первые, согласно исследованиям В. В. Седова, являются типично водскими украшениями, вторые имеют название трехбусинные или киевского типа, которые М. В. Седова относит к “типично городским украшениям”. Височные кольца с отогнутым наружу и загнутым в кольцо одним концом и иногда с петелькой – на другом, найдены в могильниках Литвы, височные кольца с S-видным завитком традиционно связываются с западными славянами, а полутораоборотные и перетнеобразные, как решили исследователи, не могут служить этноопределяющим по причине их широкой распространенности. Как видим, географически происхождение отдельных височных колец значительно удалено от рассматриваемой территории. И этому есть объяснение.

Завоевательная политика южнорусских и польских князей, а позднее – тевтонских рыцарей, содействовали консолидации балтских племен. Результатом этого процесса было то, “что уже в конце XII в. литовцы на всех фронтах переходят в наступление. Нападали и верхняя литва, и ятвяги, и по одиночке, и вместе. В хрониках и летописях имеются известия о их нападениях на Псковскую, Новгородскую, Смоленскую, Черниговскую, Турово – Пинскую, Волынскую и Галицкие земли. Нападали они на

Мазовию, на воеводства Люблинское, Холмское и даже Сапдомирское. В 1253 г. Литва повоевала волость Новгородскую и вернулась с пленными; осенью 1258 г. Литва подходила под Торжок и взяла пленников. Эти нападения на Новгородские и Псковские волости после 1262 г., когда между новгородцами и Литвой произошло примирение, временно приостановились (Любаўскі М., 1929, с. 10–11).

Ко времени нападения Тевтонского ордена Литва поддерживала торговые отношения с поморскими прусскими, польскими и немецкими городами. В начале XIII в. папство остановило торговлю по реке Лелупе (земгальской Аа). Даугава была перекрыта крепостью Риги. В середине XIII в. эта же судьба постигла Неман, по которому поступали соль, железо, ткани и другие товары. Поэтому усилилась торговля с Русью. Торговала Литва с Новгородом и Псковом. Под власть Литвы попали города Смоленск, Полоцк, Витебск и другие, которые издавна имели торговые отношения с крупнейшими экономическими центрами Восточной Европы (История, 1978, с. 29).

Становится понятным появление височных колец различных типов в каменных могилах. Их можно рассматривать как предмет торговли, военных трофеев, подделку оригиналов. В пользу такого вывода может свидетельствовать и то, что ятвяги, которые проживали рядом с волынянами, дреговичами и кривичами, если и могли подвергаться “славянизации”, то конечно же сначала со стороны соседей. Однако в могилах рассматриваемого типа не найдено ни одной дреговичской бусины и ни одного височного кольца кривичей или волынян, ни других предметов, характерных для этих племен. Более того, среди каменных могил в пределах могильников отсутствуют погребальные

сооружения дреговичей, кривичей, волынян и других. Если бы дреговичи, кривичи или славянские пришельцы проживали среди ятвягов, это значит, происходило активное этническое взаимопроникновение или смешение, как об этом пишут – и безосновательно – исследователи, тогда, тем более в начале этого процесса, погребальные сооружения разных этнических групп населения были бы разные и вместе с тем составляли бы один могильник, как это наблюдали в некрополях Новогрудка, Заславля и в других местах. Наоборот, конструктивные особенности, обряд погребения, большинство предметов инвентаря каменных могил, кстати сказать, расположенных далеко от городов, не дают основания для вывода о разноэтничности и тем более ассимиляции населения, которое их оставило.

С другой стороны, приобретенные или привезенные из военных походов украшения – трофеи (а они всегда были ценностями) могли понравиться и послужили образцами для местных балтских мастеров – так происходит развитие направлений моды – результат синтеза местных традиций и заимствованных у других народов. Интересно отметить: во многих погребениях найдены разные типы височных колец. Например, могильник у д. Подрось, в мог. № 18, были с одной стороны черепа 3 полутораоборотных и 1 с S-видным завитком; в мог. № 19 – 6 полутораоборотных и 1 перетнеобразное. Довольно часты случаи нахождения у черепа только одного височного кольца, с правой или левой стороны. Например, д. Горавец, мог. 5 – у правого виска 1 кольцо с S-видным завитком; д. Волча, мог. 3 – у правого виска 1 перетнеобразное кольцо; д. Кукли, в раскопе 3, мог. 4 – 1 многобусинное

с левой стороны черепа; д. Вензовщина (Борок) – в раскопе 6, мог. 8а – 1 проволочное с отогнутым наружу и загнутым в кольцо одним концом и в раскопе 6, мог. 9 – одно проволочное с отогнутым наружу и загнутым в кольцо одним концом и т. д. В последнем случае височные кольца выполнены из тонкой бронзовой проволоки. Исходя из приведенных данных, можно утверждать, что найденные в отдельных каменных могилах украшения, немногочисленные и присущие этнически разным племенам, не являются показателем и доводом в пользу как “славянизации” населения, которое оставило эти погребальные сооружения, так и показателем разноэтничности погребенного в них населения.

Князья Галицкие – Роман и Даниил, а также польские и мазовецкие, много раз врываются в Ятвяжскую область, жгли поселения и уничтожали ятвягов. Особенно большие поражения были нанесены ятвягам князем Даниилом в 1240 г. под Дрогичином, в 1251 г. на реках Нарев, Луке и Жаке; в 1254–1257 гг. была сильно опустошена Ятвяжская земля. Ятвяги начали платить дань Даниле черными куницами и серебром (Романов Е. Р., 1911, с. 6–8).

Опустошение Ятвяжской земли, уничтожение части ее населения (которая могла носить оружие) привели к ослаблению ятвягов. В результате этого они были вынуждены пойти на союз с Литвой уже во времена Миндовга. В начале это объединение скорее всего было на равных.

1269 г. Болеслав Стыдливый ворвался в Ятвяжскую землю и нанес сильный удар по ятвягам. Е. Охманский указывал, что в 1278–1283 гг. крестоносцы довершили полное опустошение Ятвяжской земли и разгром ее жителей. Часть населения этого края была

наильно переселена в Пруссию. Часть ятвягов искала спасения под литовской властью на землях Литвы и прилегающих территориях Понеманья и Побужья. П. Дусбург трижды под 1280 и 1283 гг. сообщал о переселении ятвягов на Русь и в Литву и завершал свою информацию словами: “... таким образом Ятвяжская земля до сих пор остается пустышной”. На землях славянских, польских и белорусских поселения ятвяжских беженцев носят название Ятвязь, Ятвеск (Охманский Е., 1981, с. 125).

Походы киевских, галицко – вольнских и польских князей, а также тевтонских рыцарей, привели к сильному опустошению собственно Ятвяжской земли (Судовии). В конце XIII в. Ятвягия или Судовия перестала существовать как политический и духовный центр Ятвяжской земли, как самостоятельная политическая единица. Имя ятвягов в виду этого исчезает со страниц истории (Романов Е. Р., 1911, с. 6–8). Но как этническая общность ятвяги вступают в союз с Литвой или на равных, или под главенством Миндовга и других литовских князей. Позднее они составная часть населения Великого княжества Литовского.

Латинство во времена Миндовга, как отмечал И. Д. Беляев, ограничивалось притворным крещением его самого и некоторых его приближенных (1251 г.). Латинские миссионеры почти нигде не показывались в Литве, кроме Новогрудка, но и там не имели никакой поддержки. Про деятельность миссионеров в Новогрудке или в других местах государства Миндовга, как и про католические костелы, известия отсутствуют (Беляев И. Д., 1872, с. 246). Первый латинский монастырь появился в Вильносе в 1364–1365 гг., но он был сожжен язычниками. На протяжении 130 лет (с 1251 г.) в Литве

были только два католических монастыря – Вильнооский и Лидский (Беляев И. Д., 1872, с. 250). Как отмечал М. Я. Гринблат, это были единичные очаги католицизма среди сплошной массы литовцев – язычников (Гринблат М. Я., 1968, с. 156).

Экспансия славян с юга в Припеманский край была остановлена борьбой объединенных сил Литвы и ятвягов, которые между 1219 и 1270 гг. вернули захваченные славянами земли. Тем более, что и политическая обстановка была благоприятной для них: татаро – монгольское нашествие уничтожило южнорусские княжества и они перестали существовать как политические единицы.

В конце XIII в. изменяется и этнический состав населения Верхнего Понеманья (а позднее и Среднего Побужья) в результате переселений сюда большого количества западно – балтского, прусского и ятвяжского населения. В конце XIII в., согласно хронике Быховца, великий князь Наримонт узнал, что поумирали князья ятвяжские, а люди их без господаря проживают. И князь Наримонт пошел к ним, и они, не сопротивляясь, поклонились ему. Он же, став их господарем, и взявши их, дал брату своему Тройдену за дань. И князь Тройден стал прозываться Великим князем ятвяжским и дайновским (Хроника, 1975, с. 135). Будучи на этом княжении, князь Тройден вел большие войны с ляхами, с русью и с мазовцами, всегда побеждал и землям их сильные опустошения чинил (Хроника, 1975, с. 135). Князь Тройден, как сторонник языческой веры, стремился отклонить притязания галицко – вольнских князей на Великое княжество Литовское, успешно отбивал их походы и укрепил границы своих земель со стороны Вольни путем поселения в пограничных городах

колонистов пруссо – литовского племени (Антонович В. Б., 1878, с. 36). Согласно сообщению Ипатьевской летописи, в 1276 г. пришли пруссы к князю Тройдену, теснимые немцами из своего отечества. Он же принял их к себе и поселил часть в Городне, а часть в Слониме. Галицко – вольнские князья Владимир Василькович со Львом Даниловичем послали рать к Слониму, чтобы взять его с тем, чтобы пруссы землю не “подседали”. В связи с этим князь Тройден послал брата своего Сирпутя воевать около Каменя. Владимир же против этого послал войска взять у него Турийск на реке Немане и взял села около него. После этого они замирились. (Ипатьевская, 1908, с. 875).

Е. Охманский указывал, что расположение пруссов – бортей ограничивается именно южной Литвой, надпеманской и надвилейской, куда бежали со своей родины под давлением крестоносцев и ятвяги, ища спасения в Литовском государстве (Охманский Е., 1981, с. 124). Исследователь полагает, что под Радунью находилась прусская колония Скалсво – Сколва, состоящая из группы деревень, возникновение которой следует связывать с походом Кейстута и Ольгерда на Скаловию в 1365 г. (Ochmański J., 1972, s. 83–89). За участие в войне с крестоносцами в 1410 г. великий князь Витовт дал в волости Радуньской землю в собственность пруссам (Szymielewicz M., 1939, s. 116). Польский исследователь Я. Висьневский указывал, что после окончания войн с Тевтонским орденом, князья литовские, чтобы усилить свое господство на землях Понеманья и Побужья, поселили у городов и при главных дорогах значительное количество бояр происхождения литовского (ятвяжского) и прусского, обязанных к военной и

замковой службе (Wiśniewski J., 1977, s. 17). До конца XVIII в. прусские переселенцы образовывали самостоятельную административную единицу – Бортыанское староство, в состав которого, согласно инвентарю 1765 г. входили четыре войтовства: Пеляеское, (д. Пеляса, Помедь, Подитва, Повлока, Пилонцы, Лелюши; Сколвенское (д. Виганцы, Смильгини, Дубинцы, Скирейки, Ворли, Полойкишки, Курки, Карговды); Городненское (Складашцы, Вайкунцы, Поройеть); Понеманское (д. Турийск (Борти Турейские), Яселевичи, Толочки, Пилорони, Минойтовичи) (Судник Т. М., 1980, с. 187). Согласно сообщению Т. Нарбуга, “потомки бортей до этого времени (XIX в. – А. К.) имеются в Лидском повете, на правом берегу Пелясы, а кроме того, и в других местностях древних воеводств виленского и трокекого” (Narbutt T., 1838, s. 271). Переселенцы пруссы – барты почти до начала XX в. сохраняли особенности своего языка среди литовцев Гродненской губернии. Т. М. Судник, собравшая диалектные материалы из окрестностей Радуни в 70-е годы нашего столетия, указывает, что они дают основание предположить участие западнобалтийского элемента в судьбе современного пеляесского говора (Судник Т. М., 1980, с. 186). Этому выводу не противоречат исторические свидетельства о поселении пруссов в районе Пелясы несколько столетий назад. В 1986 г. жители д. Первомайск Щучинского района Гродненской области сообщали, что бортыяки проживают на территории Вороновского района. Называют себя бортыяками и не причисляют себя ни к белорусам, ни к полякам, ни к литовцам. На территории Верхнего Понеманья имеются и могильники, которые можно причислять (в силу особенностей их устройства) к погре-

бальным древностям переселенцев из Пруссии, а в пределах каменных могильников имеются захоронения, которые можно причислить к прусским.

Официальное принятие в конце XIV в. христианства в католической его ветви в качестве государственной религии, но – существу, оставалось государственным актом, который не затронул духовной жизни крестьян – язычников, уклад их жизни вообще. Материалы каменных могильников показывают, что на протяжении двух последующих после крещения столетий обряд погребения не изменился и был соответственно традиционным, языческим. Господство и неизменность языческого погребального обряда сохранялись в период от конца XIV до середины XVI вв., по причине того, что в самом начале христианизация затронула, в основном, господствующий класс и часть городского языческого населения. Крестьяне – язычники в этот период не были крещены. Во-вторых, христианство распространялось вместе с закрепощением. Крестьяне сопротивлялись превращению их в крепостных, опирались на “старину”, на нормы обычного права, которые сложились еще во времена первобытно – общинного строя и военной демократии. О том, что крещение язычников рассматриваемой территории (Верхнего Понеманья и Среднего Побужья) происходило значительно позднее чем в городах, свидетельствуют и данные истории. Например, Ф. В. Покровский сообщал, что “в 1807 г. Нарбут наблюдал около Скидельской церкви обрубок бревна, который приспособили в качестве скамейки, и на котором была следующая славянская надпись: “... Варфоломей к. с. крестил язычников – ятвягов, живущих без божьего индикта.” Бревно это, по мнению

Нарбуга, осталось от старой церкви и надпись на нем свидетельствует о крещении в Скиделе в 1553 г. ятвягов каким – то Варфоломеем” (Покровский Ф. В., 1895, с. 47).

Таким образом, следует полагать, что крещение язычников рассматриваемой территории относится к середине – концу XVI столетия. Тем не менее, несмотря на крещение, они по – прежнему сохраняли обычный (традиционный) уклад жизни и обряды. Это значит, акт крещения был формальным. Например, М. Косман сообщал, что ксендзы жаловались, на то, что не глядя на крещение и приобщение к новой вере, местные жители живут и хоронят умерших согласно древним, языческим обычаям (Kosman M., 1976, s. 63, 66–67).

Сопротивление аборигенов края христианизации объяснялось не непониманием идей христианства или невосприятием их по причине дикости и отсталости в развитии, а рассматривалось как угроза национальной самобытности. Тем более, что идеи христианства несли извечные враги. И поэтому борьба аборигенов края за свободу и этническое сохранение в изменившихся условиях принимает соответствующий характер: в стойкой приверженности обрядам и обычаям предков. Это была их форма сопротивления иноземному влиянию, ассимиляции, стиранию этнических особенностей и закрепощению. Но постепенно господство традиционной культуры уменьшалось. Вместе с крещением уходило в прошлое языческие имена людей. Новорожденному давали христианское имя по святкам: католическое или православное. Появление собственных денег в Великом княжестве Литовском привело к тому, что уходит в прошлое обычай украшать костюм металлическими предметами, которые ранее выступали и как

эквивалент ценностей. Эту функцию стали выполнять деньги. Запрещала церковь и помещать в могилы предметы, что также было нарушением традиций предков. Последнее, что оставалось – это поминки умерших родственников, которые, как и ранее справляли несколько раз в год и тем самым поддерживалась связь традиций, таким путем сохранялось этническое самосознание.

Насаждением христианской идеологии преследовалась цель не повышения культурного и духовного уровня населения, разнотипного в своей основе, а стирание их исторической памяти, и тем самым – ликвидации племенных особенностей и отличий. Позднее эту задачу выполняли приглашенные из Западной Европы иезуиты, деятельность которых началась во второй половине – конце XVI в. Этим же временем датируются и изменения в погребальном обряде населения, которое оставило каменные могильники. В это время происходит привнесение христианского погребального обряда в языческий и утрата последним господствующего положения. А. Е. Богданович сообщал, что “единственным просветительским началом в жизни белорусов было христианство. Известно, что со времен введения христианства языческое мировоззрение получило значение антихристианского начала и, в этом смысле, служило предметом борьбы со стороны духовенства” (Богданович А. Е., 1895, с. 9–10).

После завершения войн в XV в., особенно после Торуньского соглашения 1411 г. бывшая Ятвяжская земля вошла в состав Литвы. В нее стали переселяться как литовцы, так и жившее в Литовском государстве православное население, а с юга, со стороны Польши – мазуры. Но первыми, очевидно, вернулись на

родину остатки ятвягов, разбитых немцами (Зинкявичюс З., 1984, с. 26). Князья литовские в районе Каменца, Кобрин, околицах Волковыска поселяли около городов и на главных дорогах, которые тянулись к Мазовии значительное количество бояр, обязанных к военной и замковой службе. Возможно, что частично это были ятвяги. Есть очень интересные известия о ятвяжском населении под Каменцем с именами Мийшто, Скодис, Корвелис, Римкович. Но собственно литовцы здесь не селились (Wiśniewski J., 1977, s. 17–19).

Е. Охманский сообщал, что сохранились именные списки жителей Ятвеса под Щучином от 1555 г. и Ятвизи (зовут также “Дайнава”) под Дятловом от 1580 г., которые указывают, как и особенности языка, на ятвяжскую принадлежность их жителей (Охманский Е., 1981, с. 126–127).

В XV–XVI вв. жили ятвяги под Гродно и около Волковыска (Wiśniewski J., 1977, s. 27). От XV в. сохранились свидетельства, что около Волковыска были в пользовании имена ятвяжские (Bednareczuk Ł., 1984, s. 40). В конце XIV–XVI вв. вдоль Свислочи растянулся пояс мелких поселений рыцарей, в большинстве своем происхождения литовского и ятвяжского (Wiśniewski J., 1977, s. 28).

Памятниками ятвягов являются населенные пункты с их именами, некоторые из них происходят от собственных имен их князей: д. Коматово, д. Юндиловичи, д. Крокоты и многочисленные могильники, так называемые каменные могилы в уездах Гродненском, Слонимском, Волковыском, Бельском, Белостокском (Романов Е. Р., 1911, с. 7).

О принадлежности каменных могил ятвягам есть известия и у Н. П. Барсова, который, ссылаясь на автора “Заметок о Гродненской губернии” отмечал, что “около Ятвизей (на запад от Суховоля) в двух или трех местах

находятся что – то на подобие кладбищ. Местные жители называют их ятвяжскими могилами и говорят, что на многочисленных камнях, которые здесь есть, они видели земледельческие орудия: серпы, косы, топоры и т. д. Камни эти вызывают суеверный страх и остаются нетронутыми” (Барсов Н. П., 1885, с. 237). Могильники с камнями, на которых имеются такие изображения, найдены на территории Беларуси (см. II главу).

Ф. Д. Климчук отмечал, что “последним по времени балтским этносом, обитавшим у границ Брестско – Пинского Полесья и частично на его территории, были ятвяги” (Климчук Ф. Д., 1985, с. 178). З. Зинкявичюс указывал, что “в 1860 г. при переписи населения, осуществленной М. Лебединым, в южной части тогдашней Гродненской губернии (бывшая ятвяжская земля) ятвягами назвались 30929 жителей. М. Лебедин отмечал, что эти ятвяги говорят по-русски (т. е. по – белорусски) с особенностями литовского произношения, исповедуют православную веру, но от других жителей отличаются наружностью и более грубыми обычаями (Зинкявичюс З., 1984, с. 26). Исследователь подчеркивал также, что со слов польского историка Я. Длугоша известно, что ятвяжский язык был очень похожим на языки пруссов и литовцев и им понятен (Зинкявичюс З., 1984, с. 25–26).

Э. А. Вольтер отмечал, что “свадебный ритуал Троковского, Лидского и Ошмянского уездов сохранил много древних черт, которые не встречаются на Жмуди, Восточной Литве или в Ковенской губернии. Очень своеобразное наречие на границах древних волостей, которые когда – то населяли ятвяги Судавии и бывшего Дайновского княжества. Но население этой местности разбросано островами по всему широкому пространству Западной Руси.

Во многих местностях, как, например в границах древнего Дайнавского княжества, в Лидском и Ошмянском уездах согласно сообщению старых людей в 60–е годы (XIX в. – А. К.) говорили еще по-литовски (по-ятвяжски? – А. К.), а сейчас язык этот вымирает, он забывается и презирается” (Вольтер Э. А., 1887, с. 5–6). В литературе имеется описание костюма жителей бывшего Дайнавского княжества, которых называли чернорусами. “Эти чернорусы до сегодняшнего дня отличаются своим костюмом, который как у мужчин, так и у женщин, черного цвета. У женщин, за исключением сорочки, все черное: головной убор, свитка, юбка и широкое покрывало, которое опускалось с головы ниже коленей, выполненное из черного толстого полотна” (Живописная, 1993, с. 13).

П. В. Шейн, который проделал большую работу по сбору этнографических материалов северо – западного края, отмечал, что “называют себя белорусы “наськими, тутэйшими”, русскими или белорусами – никогда” (Шейн П. В., 1902, с. 21). Он подчеркивал, что в Гродненской губернии крестьяне не называют себя ни русскими, ни белорусами. Некоторые считают себя литвинами. Они говорят: “страна наша ни русская ни польская, але забраны край” (Шейн П. В., 1902, с. 97–98). А. Е. Богданович писал “... что и сейчас есть немало белорусов, которые под словом “русский” понимают староверов, которые издавна живут в Западном крае. Если обратиться к ним с вопросом о национальности, то очень многие могут сказать, что они “тутэйшыя”. И к вашему сообщению, что они русские или белорусы, они относятся довольно скептически: “называй как хочешь” (Богданович А. Е., 1895, с. 5). Он сообщал также, что “под влиянием школы и церкви у белорусов возрож-

дается понимание о своей принадлежности к великому русскому племени” (Богданович А. Е., 1895, с. 5–6). Это значит, что в XIX в. руссификация населения Понеманья и Побужья содействовала уничтожению этнического самосознания у этнически разных групп населения, приводила к утрате самоназвания, содействовала привнесению искусственного, не соответствующего действительности, названию народа, утрате его языка, который существовал только на бытовом уровне и никогда не был поднят до уровня официального, государственного. П. М. Шпилевский писал о том, что население Гродненской и Ковенской губерний (середина XIX в. – А. К.) в песнях воспевало подвиги ятвяжского князя Комата (Шпилевский П. М., 1992, с. 40). В 1995 г. во время проведения разведочных работ в пределах Беловежской пуши и сбора материалов в прилегающих к ней деревнях, в д. Студеники мы встретили женщину, которая сообщила следующее. Её мама неустанно повторяла детям (рассказнице и её брату), “чтобы они помнили, что они из ятвягов, очень благородных и умных людей.” Она была родом из д. Лихосельды, о которой сообщал И. К. Шулицкий в XIX в. (Шулицкий И. К., 1893, с. 62).

Всё вышесказанное дает основание определить этническую принадлежность населения, которое оставило каменные могильники в Верхнем Понеманье, Среднем Побужье и в других местах территории Беларуси в большинстве своем как ятвяжскую. А учитывая данные письменных источников и материалы археологических раскопок, не исключено наличие в пределах ятвяжских могильников захоронений пруссов, с которыми ятвяги вступали в соглашения. И в этническом отношении были родственны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XI–XII вв. на территории Беларуси в результате эволюции каменных курганов и по другим причинам широко распространились грунтовые погребения под каменными кладками – каменные могилы. Зафиксированы могильники, которые заключали два типа погребений: каменные курганы с труположениями и каменные могилы; обряд погребения и инвентарь их часто тождественны. Ареал распространения каменных могил очерчивается следующим образом: занимают они Верхнее Полесье, значительную часть Побужья и верховья Ясельды – левого притока Припяти; зафиксированы они по рекам Вилии (Нярис), Березине (Днепровской) и левым притокам Западной Двины, в районе Лепельских озер. На этой территории выделены четыре территориально – хронологические группы каменных могил. Первая расположена в правобережье Немана и по его притокам: вторая – в левобережье Немана; третья – в Побужье и верховьях реки Ясельды. Эти три группы располагаются в древней земле ятвягов. Четвертая за её пределами. Появление каменных могильников в земле кривичей можно, по нашему мнению, связывать с походами Бориса Полоцкого и Глеба Меньшого на ятвягов, захватом их в плен и переселением на свои земли. Могла происходить и мирная инфильтрация ятвяжского населения на эти земли. Каменные могилы этой группы, за очень редким исключением, располагаются всегда по – соседству с кривичскими курганами, в пределах одного могильника ком-

пактной группой. Погребальный обряд и инвентарь их очень малочисленный, отличаются от зафиксированных в курганах, что позволяет сделать вывод об одновременном совместном проживании двух разных в этническом отношении групп населения на этой территории.

Каменные могильники Полесья и Побужья насчитывают по 60–80 погребений и более в одном могильнике и не удерживают погребений разнотипного населения. В целом, в пределах распространения первых трех территориально-хронологических групп каменных могильников одновременные погребальные сооружения других племен представлены незначительно.

В могильниках прослежен порядок последовательности захоронений, зафиксирован семейный обычай погребения умерших родственников. Каменные кладки над погребениями отличаются между собой формой и способом положения камней. Отмечены кладки круглой (незначительное количество), овальной и прямоугольной формы: оба типа представлены почти поровну, отмечено их эволюционное развитие.

Погребальный обряд представлен трупосожжениями и труположениями. Трупосожжения выполнены на стороне (остатки кремации помещали на площадке, здесь же помещали и инвентарь, а сверху сооружали каменные кладки), и на месте, в ямах. Сегодня известно несколько погребений по обряду трупосожжения. Однако подавляющее большинство исследованных погребений в каменных могиль-

никах выполнены по обряду труположения на горизонте, а в основном в могильных ямах глубиной от 0,45 до 1,75 м. Умершего вместе с инвентарем опускали в яму, со всех сторон обставляли досками, а сверху покрывали еще одной; доски между собой не скрепляли (исключения редки). Скелеты ориентированы головой на юго – запад, юг, север, северо – запад, изредка – на запад. Положение рук – различное. Яму слегка засыпали и жгли ветки прямо в могиле или угли насыпали из кострищ, которые располагались рядом с могилами – у изголовья справа или слева. Затем могилу окончательно засыпали, а на ее поверхности снова жгли ветки, справляли поминки. Черепки битых горшков помещали в изголовье погребений, а затем сооружали каменную кладку. Выявлены погребения двойные (под одной кладкой два погребения, расположенные рядом, на незначительном расстоянии) и с подзахоронениями. Только в могилах с подзахоронениями отмечены случаи положения скелетов на правом или левом боку, а поэтому их нельзя рассматривать как выполненные по особому ритуалу. Прослежены и другие следы погребального обряда, которые выступают единично. Обряд погребения в детских могилах тождественен зафиксированному в женских и мужских погребениях.

Этот обряд захоронения умерших удерживался до середины – конца XVI в. и рассматривается как языческий. Он был распространен в правобережье Немана. В левобережье Немана умерших хоронили вначале не в ямах, а на горизонте, под каменными кладками. А затем начали хоронить в могильных ямах. К сожалению, очень мало известно о каменных могильниках Побужья, но с конца XIII в. и здесь известны каменные грунтовые могилы.

Древнейшие каменные могилы, которые располагаются по реке Березине (Днепровской), левым притокам Западной Двины и в районе Лепельских озер, отличаются от тех, которые находятся в правобережье Немана, отсутствием некоторых черт погребального обряда и почти полным отсутствием погребального инвентаря, что можно объяснять отдаленным положением от основного ареала каменных могил, зависимым положением населения или крещением его в христианство в православной ветви. Тем не менее, на протяжении конца XI–XVI вв. погребальный обряд каменных могильников в пределах территории Беларуси характеризуется целостностью, преемственностью и традиционностью, имеет аналогии в пруссо – ятвяжских древностях.

Погребальный инвентарь состоял из могильного и внемогильного инвентаря. Погребения женщин удерживали разные украшения, предметы быта, принадлежности костюма. В погребениях мужчин найдены оружие, орудия труда, предметы быта и украшения, принадлежности костюма. В погребениях совсем маленьких детей инвентарь отсутствовал. В могилах девочек 5–7 лет и старше изредка встречены украшения. В могилах мальчиков 7–9 лет и старше найдены ножи, изредка – поясное железное кольцо и пряжка. Предметы погребального инвентаря (как могильного, так и внемогильного) имеют прямые аналогии в древностях Прибалтийского историко – культурного региона. Отмечается традиционность в формах, орнаментации изделий и их эволюционное развитие. Отдельные предметы имеют аналогии в финских и славянских древностях. Нахождение их в каменных могильниках следует рассматривать как предметы торговли, военных трофеев или как

подделку оригиналов местными балтскими мастерами. Это значит, мы наблюдаем развитие местной культуры через синтез традиционного и заимствованного.

Исследования каменных могильников позволили выделить три этапа эволюции этих древностей. Первый этап связан с окончательным переходом от обряда трупосожжения к обряду трупоположения и одновременными изменениями конструкции погребального сооружения – переходом к погребениям на горизонте или в грунтовых ямах под каменными кладками.

Второй этап характеризуется господством и развитием обряда трупоположения в грунтовых могильниках под каменными кладками. Этот обряд практиковался до середины – конца XVI в. и рассматривается как языческий погребальный обряд.

Письменные источники конца X–XII вв. говорят о враждебных отношениях между аборигенами и пришельцами – славянами. Эти свидетельства находят прежде всего подтверждение в том, что каменные могильники значительно отдалены от городов, которые являлись опорными пунктами славянской колонизации земель балтов. Выше уже говорилось о том, что в крепостях – городах были найдены погребения, это значит умерших хоронили рядом с жилищами потому, что не имели возможности выйти за пределы укреплений, что происходило по причине долговременных осад. Во-вторых, это свидетельства о многочисленных походах славянских дружин с целью умирения ятвягов. В-третьих, славяне в городах в конце X–XII вв. приняли христианскую веру, были христианами. Местное население придерживалось традиционных, языческих верований, что также препятствовало взаимопроникновению

этносов, их мирным отношениям. Таким образом, нет оснований для утверждения об ассимиляции аборигенов пришлыми славянами в период с конца X и до конца XIII вв. Следует думать, что отношения между местным населением и славянами ограничивались очень прозрачной и краткой зависимостью первых от вторых; она была ликвидирована как в результате соглашений, так и открытой вооруженной борьбой объединенных сил Литвы и ятвягов.

Третий этап эволюции каменных могильников ознаменовался следующими особенностями. Примерно в середине XVI в. умерших начинают хоронить в гробах, доски в которых скреплены уже с помощью железных гвоздей. Умерших всегда хоронили положив на спину, в вытянутом положении, головой на запад, с руками, сложенными на поясе. В это время могильный инвентарь – чрезвычайная редкость. В изголовье погребений ставили большие – 1–1,2 м в высоту камни, тесаные с боков, подтреугольной формы вверх. На большинстве из них выбит крест или крестовидный знак. Каменные кладки не превышают размеры могильной ямы, камни в них положены в 2–4 параллельных ряда. По-прежнему сооружали кладки овальной формы. Количество угля в могилах значительно уменьшится. Но, как и ранее на поверхности могил жгли ветки, а черепки битой посуды помещали в изголовье погребений.

Изменения, которые произошли в погребальных традициях населения, которое оставило каменные могильники, объясняются опять же не ассимиляцией его, а связаны с широкой христианизацией края, активизацией и усилением борьбы церкви с язычеством. В конце XVI в., благодаря деятельности приглашенных из Западной Европы

иезуитов, осуществляется широкая христианизация языческого населения рассматриваемой территории, становится более жесткой борьба с его традиционными верованиями и обычаями. Борьба эта затронула и погребальный обряд, который в сравнении с предыдущим временем, очень упростился. С течением времени в результате разных причин проходит обычай украшать костюм металлическими предметами. Совсем редким становится обычай класть орудия труда и другие предметы в могилы. Изредка их помещали на поверхности могил под каменными кладками. В отдельных могильниках на камнях, что ставили в изголовьях погребений, имеются изображения птиц, зверей, ящериц и другие, а также орудий труда – топоров, серпов, молотков и т. д., которые следует рассматривать как компенсацию могильного инвентаря. Это значит, что тут традиционность обряда погребения выступала через изображение на камнях могильного инвентаря, который более не клали в могилы. Такие могильники называли ятвяжскими.

Погребальный обряд и инвентарь каменных могильников позволяют сделать вывод о балтской принадлежности населения, которое оставило их и отождествить с ятвягами. На территории Беларуси, согласно полученным материалам, прослеживаются три объединения ятвягов. Первое располагалось в правобережье Немана – это известное в истории Дайнавское княжество. Второе объединение – в левобережье Немана (название его не известно). Третье – в Среднем Побужье, где согласно летописным известиям, проживали ятвяжские племена злинцев,

криемщев и покенцев. Отдельные захоронения в ятвяжских могильниках, исходя их особенностей их погребального обряда и инвентаря, могли быть оставлены переселенцами пруссами.

Инвентарь каменных могильников территории Беларуси позволяет сделать вывод о социальном статусе погребенных: это сельские общинники (в военное время – ополчение), среди которых выделяется небольшая часть сельской знати. В пределах каменных могильников территории Беларуси сегодня известны единичные погребения дружинников. Они хорошо известны на территории Сулавии (ныне Сувалкия) на территории Польши.

Вывод ряда исследователей о “славянизации” ятвягов в XI–XIII вв. и позднее не подтвердился ни историческими, ни археологическими, ни этнографическими материалами. Еще в середине XIX в. на территории Брестско – Пинского Полесья почти 31 тысяча человек называли себя ятвягами. Продолжительная приверженность ятвягов языческим традициям выступала как форма борьбы за сохранение себя как этноса. Обычай обкладывать могилы камнями, жечь ветки, класть черепки битой посуды в изголовье погребений, а также – отдельные предметы, практиковался до середины – конца XIX в., а в отдельных местах – до начала XX в. Ятвяжские говоры, имена собственные сохранялись почти до конца XIX в. в различных частях Ятвяжской земли. Ятвяги отличались от других жителей Понеманья и Побужья костюмом, внешностью, укладом жизни, обычаями, языком.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Москва, 1980.

Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, 1878, вып. 1.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы северо-западного края. Санкт-Петербург, 1890.

Беляев И. Д. Очерк истории Северо-Западного края России. Вильна, 1867.

Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. История Полотска или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. Москва, 1872, книга 4, часть 1.

Беляев И. Д. Судьбы православия в Прибалтийском крае: Историко-этнографический очерк. Санкт-Петербург, 1901.

Блинова Т. Б. Иезуиты в Белоруссии. Минск, 1990.

Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк. Гродно, 1895.

Боровский Я. Е., Моця А. П. Концепция язычества и христианства в зарубежной историографии и данные археологии / Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990, с. 121-138.

Вайткускене Л. Контакты между балтийскими племенами на территории Литвы в X-XII вв. / Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985, с. 67-77.

Вайткускене Л. Культурные места "алкветес" в могильнике Пагрибис Шилальского района / Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988, с. 167-174.

Влодарский Б. Ягвяжская проблема в польско-русских связях X-XIII вв. / Международные связи России до XVII в. Москва, 1916, с. 116-129.

Волкайте-Куликаускаене Р. К. Новые данные о женском головном уборе в Западной Литве в эпоху раннего феодализма / Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, A serija. Vilnius, 1964, p. 51-52.

Волкайте-Куликаускаене Р. К. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII в. / Древняя одежда народов Восточной Европы. Москва, 1986, с. 146-171.

Вольдемар А. И. Национальная борьба в Великом княжестве Литовском в XV и XVI вв. / Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. 1909 г. Санкт-Петербург, 1910, т. XIV, кн. 3, с. 160-198.

Вольтер Э. А. Об изучении литовского языка и племени / (Приложение к памятной книжке Виленской губернии на 1887 г. Вильна, 1887.

Вольтер Э. А. Производство археологических раскопок в северо-западном крае в Виленской губернии / Отчеты Археологической Комиссии за 1889 г. Санкт-Петербург, 1890.

Воропин Н. Н. Древнее Гродно / МИА. Москва, 1954, № 41, т. III.

Гісторыя Беларускай ССР. Мінск, 1972, т. I.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Москва, 1880, т. I

Граудонис Я. Я., Тынинсон Э. Ю. Раскопки ливских курганов в Кримулиде / СА. Москва, 1963, № 1, с. 241-252.

Гриблат М. Я. Белорусы: Очерк происхождения и этнической истории. Минск, 1968.

Гуревич Ф. Д. К вопросу об археологических памятниках летописных ягвягов / КСИИМК. Москва, 1950, вып. XXXIII, с. 110-120.

Гуревич Ф. Д. Отчет о работе Славяно-Литовского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции // АИИМК. ф. 1, л. 1086/1955.

Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Помеманья. Москва - Ленинград, 1962.

Гуревич Ф. Д. Каменные могилы Подляшья и древний Дрогичин / КСИА. Москва, 1980, вып. 160, с. 45-53.

Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок (посад - окольный город). Ленинград, 1981.

Гуревич Ф. Д. Древние города Белорусского Помеманья. Минск, 1982.

Гуревич Ф. Д. О формировании городов Черной Руси по данным археологии / СА. Москва, 1983, № 3, с. 61-71.

Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / СА. Москва, 1961, № 4, с. 91-102.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В. А. Шукевича в Лидском и Трокском уездах Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 13а/1888.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках Э. А. Вольтера в Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 43/1889.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В. А. Шукевича в Лидском и Трокском уездах Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 103/1890.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В. А. Шукевича в Лидском и Трокском уездах Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 63/1892.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В. А. Шукевича в Лидском и Трокском уездах Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 90/1894.

Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках В. А. Шукевича в Лидском и Трокском уездах Виленской губернии // АИИМК, ф. 1, д. 68/1895.

Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Киев, 1909, т. I.

Драздович Я. Дудуткі і Гародня / Літаратура і мастацтва, 1989, 11 жніўня.

Дружыц В. Комплексная экспедиция БАН у чэрвені-жніўні 1931 г. / Працы сэкцыі археалогіі. Менск, 1932, т. 3, с. 235-237.

Дучиц Л. В. Отчет о полевых исследованиях на территории Глубокского и Докшицкого районов Витебской области в 1989 г. // АИИ НАН, д. 1130.

Дучиц Л. В., Левков Э. А. Валун как объект поклонения у белорусов / Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989, с. 55-57.

Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье. Минск, 1993.

Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. Москва, 1961, № 2, с. 122-140.

Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Минск, 1982.

Зария А. Э. Одежда жителей Латвии VII-XVII вв. / Древняя одежда народов Восточной Европы. Москва, 1986, с. 172-189.

Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Минск, 1975.

Зверуго Я. Г. Славяно-литовские контакты в средневековье (по материалам белорусско-литовского пограничья) / Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981, с. 24-27.

Зверуго Я. Г. Славяно-балтские связи в раннем средневековье (по материалам Белоруссии) / Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985, с. 100-112.

Зверуго Я. Г. Верхнее Помеманье в IX-XIII вв. Минск, 1989.

Зданович Н. И. О некоторых видах неполивной посуды окислительного обжига Лидского замка / Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983, с. 98-99.

Зданович Н. И. Неполивная посуда Мирского замка / Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988, с. 145-149.

Зинкявичюс Э. Польско-ягвяжский словарь? / Балто-славянские исследования. 1983. Москва, 1984, с. 3-29.

Ігнатоўскі У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1991.

Іоў А. В. Этнічны склад насельніцтва Заходняга Палесся ў X-XIII стст. (па матэрыялах сельскіх паселішчаў) / Старонкі гісторыі Беларусі. Мінск, 1992, с. 25-36.

Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Москва, 1908, т. 2.

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. Рига, 1986.

История Белорусской ССР. Минск, 1977.

История Литовской ССР. Вильнюс, 1978.

Кайгородов Н. Н. Екиманские древности. Из поездки по Витебской Беларуси. Археологическая заметка. Санкт-Петербург, 1912.

Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 г. Вильна, 1893.

Квяткоўская А. В. Даследаванні каменных могілак // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1993, № 1, с. 125.

Квятковская А. В. Отчет о полевых исследованиях в Зельвенском и Волковысском районах Гродненской области в 1981 г. // АИИ НАН, д. 734.

Квятковская А. В. Каменные могильники Белорусского Помеманья / КСИА. Москва, 1986, вып. 183, с. 32–41.

Квятковская А. В. Отчет о полевых исследованиях в Гродненской области в 1982 г. // АИИ НАН, д. 785.

Квятковская А. В. Отчет о проведении раскопок в 1986 г. на каменном могильнике у д. Вензовщина Щучинского района Гродненской области // АИИ НАН, д. 972.

Квятковская А. В. Отчет о раскопках каменного могильника у д. Вензовщина Щучинского района Гродненской области в 1987 г. // АИИ НАН, д. 1016.

Квятковская А. В. Отчет о раскопках каменных могильников в Гродненской области в 1988 г. // АИИ НАН, д. 1066, 1066а.

Квятковская А. В. Отчет о раскопках каменных могильников в Гродненской области в 1989 г. // АИИ НАН, д. 1155а, 1155б.

Квятковская А. В. Отчет о раскопках каменных могильников в Витебской и Гродненской областях в 1990 г. // АИИ НАН, д. 1233, 1233а, 1233б.

Квятковская А. В. Отчет о раскопках каменных могильников в Витебской и Гродненской областях в 1991 г. // АИИ НАН, д. 1354.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие / Археология СССР. САИ. Москва – Ленинград, 1966, вып. Е1–36, ч. 1–2.

Кирпичников А. Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси XIII–XV вв. Ленинград, 1973.

Кирпичников А. Н. Массовое оружие ближнего боя из раскопок древнего Изяслава / КСИА. Москва, 1978, вып. 155, с. 80–87.

Климчук Ф. Д. О проблеме балтизма в говорах Брестско – Пинского Полесья / Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985, с. 178–179.

Коробушкина Т. Н. Курганные древности XI–XIII вв. в Белорусском Побужье / Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983, с. 42–45.

Коробушкина Т. Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. Минск, 1993.

Краўцэвіч А. К. Тэўтонскі ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда. Мінск, 1993.

Крачковский Ю. Ф. Быт западно – русского селянина. Москва, 1874.

Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. Археология СССР САИ. Москва, 1990, вып. П1–9.

Кулаков В. И. Пруссы (V–XIII вв.). Москва, 1994.

Куликаускаене Р. К. Погребения с конями у древних литовцев // СА. Москва, 1953, № XVII, с. 211–222.

Лаул С. К. Одежда эстонцев в X–XVII вв. / Древняя одежда народов Восточной Европы. Москва, 1986, с. 190–207.

Легенды і паданні. Мінск, 1983.

Лысенко П. Ф. Раскопки древнерусского городища Давид – Городка в 1967 г. Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 352–382.

Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974.

Лысенко П. Ф. Берестье. Минск, 1985.

Лысенко П. Ф. Дреговичи. Минск, 1991.

Любаўскі М. Літва і славяне ў іх узаемаадносінах ў XI–XIII стагоддзі / Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі. Менск, 1929, т. III, кн. 8, с. 3–20.

Ляўданскі А. М. Археалёгічныя даследы ў Барысаве // Припы археалёгічнай камісіі Менск, 1932, т. II, с. 253–261.

Ляўданскі А. М. Кароткае паведамленне аб даследах культур эпохі жалеза ў БССР ў 1930–31 гг. / Працы сэкцыі археалёгіі. Менск, 1932, т. III, с. 230–235.

Ляўкоў Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992.

Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) / КСИА. Москва, 1991, вып. 205, с. 11–22.

Макарова Т. И. О времени появления вершка на Руси // РА. Москва, 1993, № 2, с. 194–197.

Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики) // КСИА. Москва, 1972, вып. 129, с. 14–20.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Санкт-Петербург, 1864. ч. 2.

Materialy wczesnosredniowieczne. Warszawa, 1976, t. IV.

Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978.

Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Мялешка М. Камень у верапынях і паданых беларуса / Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы катэдр этнографіі. Менск, 1928, книга 4, т. 1, с. 155–182.

Насевіч В. Л. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага. Падзеі і асобы. Мінск, 1993.

Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994, ч. 1.

Никольский Н. М. История русской церкви. Минск, 1990.

Отчет В. Глазова о раскопках, проведенных в 1889 г. в Псковском уезде / Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Санкт-Петербург, 1903, т. 5, вып. 1.

Охманьский Е. Иноземные поселения в Литве XIII–XIV вв. в свете этнонимических местных названий / Балто – славянские исследования. 1980. Москва, 1981, с. 112–131.

Павлова К. В. Могильник на территории окового города древнего Новогрудка / КСИА. Москва, 1967, вып. 110, с. 36–39.

Павлова К. В. Балтские элементы в погребальном обряде курганов окрестностей древнего Новогрудка / Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1981, с. 38–40.

Пахаганні Памінкі. Галашэні. Мінск, 1986.

Пашуго В. Т. Образование Литовского государства. Москва, 1959.

Пивоварчик С. А. Новые исследования на городищах Помеманья (к вопросу о древнерусских городах) / Konferencijos “Pabaltijo gyvenvietės nuo seniausią laikų iki XIV amžiaus” pranešimų santrauka. Vilnius, 1992, p. 72–76.

Поболь Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск, 1979.

Повесть временных лет. Санкт-Петербург, 1910.

Погодин А. Древние литовцы. Вильно, 1920.

Покровский Ф. В. Археологическая карта Виленской губернии / Труды Виленского

отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1893.

Покровский Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии. Вильна, 1895.

Прыказкі і прымаўкі. Мінск, 1976, т. 1–2.

Раскопки В. А. Шукевича и Э. А. Вольтера в 1888–1892 гг. // АИИМК, ф. 5 (фонд А. А. Спицына), д. 87.

Редферат В. А. Шукевича об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах / Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. Вильна, 1893, с. 96–100.

Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильна, 1911, вып. 1.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Санкт-Петербург, 1905, т. 9.

Рыков П. С. Раскопки в Опшмянском у. Виленской губ.: 1) близ ст. Сморгонь и 2) вблизи имения Маркененты (с 28 изображениями) / Северо – Западный отдел Императорского Русского географического общества, Вильна, 1914, кн. 4, с. 3–18.

Рябцевич В. Н. К вопросу о денежном обращении западно – русских земель в XIV–XV вв. // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965, вып. 2, с. 121–134.

Саливон И. И., Тетако Л. И., Микулич А. И. Очерки по антропологии Белоруссии. Минск, 1976.

Седов В. В. Этнический состав населения северо – западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. Москва, 1953, № XVIII, с. 190–229.

Седов В. В. Курганы ятвягов // СА. Москва, 1964, № 4, с. 36–51.

Седов В. В. О происхождении белорусов / Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 301–309.

Седов В. В. Еще раз о вкладе балтов в культуру восточных славян. // СА. Москва, 1973, № 3, с. 73–81.

Седов В. В. К истории поселений Черной Руси / КСИА. Москва, 1974, вып. 139, с. 27–33.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. Москва, 1982.

Седов В. В. Земля ятвягов (племенная дифференциация) / *Vakarų baltų archeologija ir istorija*. Klaipėda, 1989, p. 50–55.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). Москва, 1981.

Сементовский А. М. Белорусские древности. Санкт-Петербург, 1890, вып. 1.

Сергеева З. М. О прибалтийских шейных гривнах в древнерусских памятниках X–XIII вв. / КСИА. Москва, 1978, вып. 155, с. 35–40.

Сергеева З. М. К изучению культурно-экономических связей западно-русских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов) / КСИА. Москва, 1981, вып. 164, с. 30–35.

Соловьёва Г. Ф. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI–XIII вв. // СА. Москва, 1963, № 2, с. 95–106.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург, 1899, т. XI, вып. 1–2, с. 291–292.

Спицын А. А. Литовские древности // *Tauta ir žodis*. Kaunas, 1925, kn. 3, p. 158–159.

Судник Т. М. К истории языковой ситуации Пелясы / Балто-славянские этноязыковые контакты. Москва, 1980, с. 181–191.

Трусов О. А. Археологический отчет о полевых исследованиях, проведенных в июле 1980 г. в Мирском замке // АИИ НАМ, д. 5/68, kn. 2.

Улащик Н. Н. Одежда белорусов XVI–XVII вв. / Древняя одежда народов Восточной Европы. Москва, 1986, с. 133–145.

Урбанавичене С. Одежда жемайтгов в XV–XVI вв. (по данным археологии) / Древности Литвы и Беларуси. Вильнюс, 1988, с. 156–167.

Урбанавичюс В. Материальная и духовная культура сельского населения Литвы в XIV–XVII вв. (по данным исследований могильников). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Вильнюс, 1967.

Урбанавичюс В. Реликты язычества в памятниках XIV–XVI вв. в Литве / Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985, с. 161–167.

Фадзеева В. Я. Белорусская народная вышпўка. Минск, 1991.

Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды Государственного исторического музея. Москва, 1959, вып. 33, с. 149–224.

Фехнер М. В. Крестовидные привески “скандинавского” типа / Славяне и Русь. Москва, 1968, с. 210–214.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. / Археология СССР. Москва, 1987.

Фоляков Д. И. Изделия из стекла и фаянса в древнем Торонце / КСИА. Москва, 1991, вып. 205, с. 54–60.

Хрошица Быховца / ПСРЛ. Москва, 1975, т. 32.

Цярохин С. Перунова цяпелыца. Минск, 1993.

Чарняўскі М. Бронзавы век на тэрыторыі Беларусі. Минск, 1981.

Чарняўскі М. Могільнікі культуры шарападобных амфар на Гродзеншчыне / 3 глыбі вакоў. Минск, 1992, с. 6–15.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Санкт-Петербург, 1902, т. 3.

Шноре Э. Д. Погребения жальничного типа на северо-востоке Латвии // Известия Академии наук Латвийской ССР. Рига, 1980, с. 38–54.

Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Минск, 1992.

Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 гг. / Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 316–351.

Штыхов Г. В. Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Минск, 1971, вып. 2.

Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975.

Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978.

Шулицкий И. К. Археологические и историко-географические заметки преподавателя Свислочской учительской семинарии И. К. Шулицкого // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893, с. 60–65.

Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода / МИА. Москва, 1956, № 55, т. 1.

Antoniewicz W. Czasy przedhistoryczne i wczesnodziejowe ziemi Wileńskiej / Wilno i ziemia Wileńska. Wilno, 1930, t. 1, s. 103–123.

Batūra R. Lietuva tautų kovoje prieš Aukso Ordą. Vilnius, 1975.

Bednarczuk Ł. Wokół etnogenyzy Białorusinów / Acta – Baltico – Slavica. Warszawa, 1984, t. XVI, s. 33–48.

Bronicka – Rauhut J., Rauhut Ł. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko szkieletowe w Starogrodzie, woj. Siedlce // WA. Warszawa, 1977, t. 42, z. 1, s. 58–86.

Cabalska M. Grodzisko w Mymoniu pow. Krosno w świetle badań archeologicznych // Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. Warszawa, 1975, t. III, s. 321–340.

Gąssowski J. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Złotej pod Sandomierzem // WA. Warszawa, 1953, t. XIX, z. 1, s. 80–92.

Hilczarówna Z. Ostrogi Polskie z X–XIII wieku. Poznań, 1956.

Hilczarówna Z. Chronologija ostróg z X do XIII wieku // WA. Warszawa, 1956, t. XXIII, z. 2, s. 203–207.

Kamiński A. Z badań nad pograniczem polsko-rusko – jaćwieskim w rejonie rzeki Sliny // WA. Warszawa, 1956, t. XXIII, z. 2, s. 131–168.

Jaskanis D. i J. Sprawozdanie z badań w 1957 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwałki // WA. Warszawa, 1961, t. XXVII, z. 1, s. 27–48.

Jaskanis D. Materiały z badań wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w miejscowości Podroś koło Wołkowyska w BSSR / Rocznik Białostocki. Białystok, 1962, t. III, s. 337–361.

Kaszewscy E. i Z. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Brześciu Kujawskim, pow. Włocławek / Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1971, t. 1, s. 365–434.

Kosman M. Drogi zaniku pogaństwa u baltów. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1976.

Kuncienė O. Sarių senkapis / LA. Vilnius, 1979, t. 1, p. 75–100.

Musianowicz K. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadzonych w 1954 roku w miejscowości Drohiczyń nad Bugiem, pow. Siemiatycze // WA. Warszawa, 1955, t. XXII, z. 3–4, s. 332–346.

Musianowicz K. Badania wykopaliskowe w roku 1955 w Drohiczyńcu, pow. Siemiatycze // WA. Warszawa, 1956, t. XXIII, z. 2, s. 169–176.

Musianowicz K., Zawadska B. Wczesnośredniowieczna osada w Ogrodnikach, pow. Siemiatycze w świetle badań 1959 roku // WA. Warszawa, 1961, t. XXVII, z. 2, s. 144–196.

Musianowicz K. Wczesnośredniowieczny kurhan w Rekanciszkach rejon Nowowilejka na tle wschodnioliteńskich kurhanów // WA. Warszawa, 1968, t. XXXIII, z. 3–4, s. 338–354.

Musianowicz K. Osady z wczesnego średniowiecza i średniowiecza w Brulinie–Koskach, pow. Ostrow mazowiecka // Materiały starożytne i wczesnosredniowieczne. Warszawa, 1975, t. III, s. 341–386.

Nadolski A. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII w. Łódź, 1954.

Narbutt T. Dzieje narodu litewskiego. Wilno, 1838, t. III.

Nowinski K., Buczek–Płachtowa B. Wyniki badań na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Granicznej, pow. Świdnica // WA. Warszawa, 1970, t. XXXV, z. 2, s. 235–252.

Ochmański J. Skolwa i Borcie. Zachodniobałtyjskie osadnictwo na Litwie średniowiecznej / Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 4, Historia. Nr. 3. Warszawa, 1972, s. 83–89.

Odoj R. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w miejscowości Równina Dolna, pow. Kętrzyn / WA. Warszawa, 1956, t. XXIII, z. 2, s. 177–196.

Okulicz J. Sprawozdanie z badań prowadzonych w 1959 roku na osadzie i grodzisku w Osinkach, pow. Suwałki // WA. Warszawa, 1963, t. XXIX, z. 2, s. 193–209.

Rauhut Ł. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu / Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1971, t. 1, s. 435–656.

Rickevičiūtė K. Karmėlavos kapinynas / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 73–103.

Svetikas E. XIV–XVII a. Alytaus kapinynas. Alytus, 1988. T. 1.

Szymielewicz M. Borcie i włość Borciańska // Ziemia Lidzka. Lida, 1939, kwiecień – maj, Nr. 4–5, s. 105–117.

Szukiewicz W. Wykopalisko w Lidzkiem / Tygodnik ilustrowany. Warszawa, 1885, Nr. 113, s. 143–144.

Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w pow. Lidzkim / Księga pamiątkowa na uczczenie setnej rocznicy urodzin Adama Mickiewicza (1798–1898). Warszawa, 1898, t. II, s. 214–227.

Szukiewicz W. Kurhany kamienne w pow. Lidzkim (gub. Wileńska) // Światowit. Warszawa, 1899, t. 1, s. 32–38.

Szukiewicz W. Z przeszłości Litwy / Znad Wilii i Niemna. Wilno, 1906, s. 81–89.

Szukiewicz W. Nieco z archeologii Litwy // Kurjer Litewski. 1907, Nr. 194.

Szukiewicz W. Szkice z Białejrusi // Ziemia. 1912, Nr. 14, s. 221–222.

Szukiewicz W. Strefy archeologiczne na Litwie / Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie (1915–1918). Wilno, 1918, t. VI, s. 5–18.

Urbanavičienė S. Ažugirių kapinynas / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 152–168.

Urbanavičienė S. Diktarių kapinynas / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 169–206.

Urbanavičius V. Jakštaičių senkapis / LA. Vilnius, 1979, t. 1, p. 122–151.

Urbanavičius V., Urbanavičienė S. Archeologiniai tyrimai / LA. Vilnius, 1988, t. 6 (Obelių kapinynas), p. 9–63.

Vaitkūnaitė L. Gintališkės kapinynas / LA. Vilnius, 1979, t. 1, p. 44–75.

Varnas A. Tulpiakiemio senkapiai / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 244–289.

Vaškevičiūtė I. Mažeikių (Šiaulių raj.) XVI–XVII a. kapinynas / LA, Vilnius, 1995, t. 11, p. 290–316.

Volkaitė-Kulikauskienė R. Krūminių senkapis / LA. Vilnius, 1979, t. 1, p. 112–121.

Volkaitė-Kulikauskienė R., Luchtanas A. Narkūnų senkapio 1976 m. tyrinėjimai / LA. Vilnius, 1979, t. 1, p. 101–111.

Wiśniewski J. Osadnictwo wschodniej Białostoczyzny / Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 1977, t. XI, s. 7–80.

Zabiela G. Bečių senkapis / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 330–381.

Zabiela G. Šeimyniškių senkapis / LA. Vilnius, 1995, t. 11, p. 382–397.

Żaki A. Wyniki wstępnych badań grodziska w Naszacowicach, pow. Nowy Sącz // WA. Warszawa, 1954, t. XX, z. 3, s. 234–251.

Žulkus V. Senieji kuršiai // Baltų archeologija. Vilnius, 1995, Nr. 4 (7), p. 2–6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИИ НАН – Архив Института истории Национальной Академии Наук
 АИИМК – Архив Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург)
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии о докладах и полевых исследованиях
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 LA – Lietuvos archeologija
 WA – Wiadomości archeologiczne.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авенариус Н. П. 175
 Авдусин Д. А. 22
 Андрияшев А. М. 175
 Антонович В. Б. 175, 183
 Антонец В. 68, 134, 168
 Антонец Е. 175
 Батура Р. 8
 Барсов Н. П. 174, 186
 Батюшков П. Н. 176
 Беднарчук Л. 186
 Беляев И. Д. 164, 165, 178, 179, 180, 182, 183
 Бируля И. В. 29
 Блинова Т. Б. 165
 Богданович А. Е. 167, 186, 187
 Болеслав Стыдливый, кн. 182
 Борис Всеславич Полоцкий, кн. 175, 188
 Боровский Я. Е. 174
 Бурундай, хан 8
 Бучек – Плахтова В. 153
 Гранд И. 174
 Броницка – Раухут Я. 79
 Брянцев П. Д. 175
 Варфоломей, св. 184, 185
 Василь, кн. 9
 Вайткунскене Л. 61, 87, 89, 96, 109, 119, 120, 155, 156, 158
 Варнас А. 72, 76, 97
 Вашкявичюте И. 76
 Веренько Ф. 94
 Висьневский Я. 183, 184, 186
 Витовт, вел. кн. 10, 19, 135, 164
 Владимир Василькович, кн. 178
 Владимир, вел. кн. 176
 Владимир Василькович, кн. 179, 183
 Влодарский Б. 176
 Волкайте – Куликаускене Р. К. 76, 97, 119, 120
 Вольдемар А. И. 165
 Вольтер Э. А. 15, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 25, 39, 42, 50, 55, 56, 67, 79, 82, 94, 99, 100, 111, 124, 152, 168, 186, 187, 308, 309
 Воронин Н. Н. 6, 13, 90, 149, 152, 177
 Войшелк, вел. кн. 8, 183
 Всеволод Гродненский, кн. 6
 Витень, вел. кн. 8
 Вундерер Д. 164
 Гедимин, вел. кн. 9, 307
 Герман Балк, магистр 178
 Гильчерувна З. 114
 Гимбутене М. 61
 Глазов В. Н.
 Глеб Менский, кн. 176, 188
 Глогер З. 15, 308
 Голубинский Е. Е. 179
 Гонссовский Я. 112
 Граудопис Я. Я. 118
 Гринблат М. Я. 183
 Гуревич Ф. Д. 6, 7, 21, 71, 72, 79, 80, 87, 96, 133, 149, 168, 169, 175, 177, 178, 309
 Данила Галицкий, кн. 179, 182
 Данилевич В. Е. 175, 176
 Даркевич В. П. 174
 Длугош Я., хронист 186
 Довнар – Запольский М. В. 165
 Дроздович Я. 42
 Дружниц В. 20, 21
 Дубинский С. А. 20
 Дусбург П., хронист 7, 182
 Лучиц Л. В. 42, 49, 51
 Эрдвил, кн.
 Жаки А. 154
 Жулкус В. 99, 120
 Журжалина Н. П. 174
 Забела Г. 14, 72, 80, 97
 Завадзка Б. 149, 154
 Завитневич В. 18
 Загорульский Э. М. 132
 Зак К. 7
 Зариня А. Э. 82, 96, 97, 119, 132
 Зверуго Я. Г. 6, 13, 71, 76, 79, 80, 82,

89, 96, 109, 112, 120, 124, 125, 130, 149, 150, 155, 169, 319
 Зданович Н. И. 154, 155, 156, 157, 158
 Зинкявичюс З. 186
 Игнатовский В. Н.
 Изяслав, кн. 8
 Иов О.В. 6
 Кадлубек В., хронист 180
 Кайгородов Н. Н. 35
 Каминьский А. 148, 175
 Карблом, пастор 165
 Кашевски Е. 99
 Кашевски З. 99
 Квятковская А. В. 21, 22, 38, 159
 Кейстуг, вел. кн. 100, 183
 Киршичников А. Н. 109, 110, 112, 114, 169
 Климент VIII, папа 12, 307
 Климчук Ф. Д. 186
 Коваленя А. Д. 309
 Комат, кн. 186, 187
 Конвисаров М. 20
 Коробушкина Т. Н. 13, 72
 Косман М. 40, 185
 Кравцевич А. Н. 178
 Крачковский Ю. Ф. 53
 Кулаков В. И. 84, 96, 140
 Кулаковский Ю. 175
 Куликаускаене Р., см. Волкайте–Куликаускаене Р. 66, 68, 71, 79, 80, 82, 86, 96, 97, 98, 103, 120, 124, 130, 143
 Кунцене О. В. 68, 72, 79, 86, 89, 91, 96, 97, 99, 110, 123, 124, 130, 143, 153
 Куглубуг, хан 9
 Лаул С. К. 84, 96, 143
 Лев Данилович, кн. 183
 Лебедкин М. 186
 Левков Э. А. 49
 Леонтий, епископ 178
 Луневский Т. 17
 Лухтан А. 80, 96, 97, 98, 124, 130
 Лысенко П. Ф. 96, 112, 114, 124, 125, 131, 171
 Любавский М. 175, 177, 181
 Лявданский А. Н. 20, 72, 80
 Макаров Н. А. 80, 82
 Макарова Т. И. 105

Малевская М. В. 149
 Мелешко М. 31
 Микулич А. И. 47
 Миндов, вел. кн., король 8, 9, 179, 182, 306
 Митрофанов А. Г. 148
 Молоткова Г. Д. 14
 Молчанова П. В. 14
 Моця А. П. 174
 Метислав Владимирович, кн. 6
 Мугуревич Э. С. 78
 Мусянович К. 80, 112, 114, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 157
 Надольский А. 114
 Нарбуг Т. 175, 184, 185
 Наримунт, вел. кн. 9, 183, 307
 Насевич В.Л. 8, 9
 Никольский Н. М. 166
 Новиньский К. 153
 Одой Р. 79, 80, 84, 89, 91, 140, 141
 Окулич Я. 152
 Ольгерд, вел. кн. 9, 183
 Охманьский Е. 182, 183, 186
 Павлова К. В. 13, 178
 Папуго В. Т. 9, 176, 177
 Пивоварчик С. А. 6, 7
 Поболь Л. Д. 41, 72, 96, 112, 120, 123, 124
 Погодин А. 164
 Покровский Ф. В. 22, 30, 31, 36, 38, 60, 184, 185
 Раухут Л. 50, 51, 53, 74, 79, 149, 150, 152
 Риер Я. Г. 14
 Ришгольд, кн. 179
 Рицкявичюте К. 72, 76, 96
 Роман Данилович, кн. 8
 Роман Метиславич, кн. 176
 Романов Е. Р. 167, 182, 186
 Рыков П. С. 18, 38, 51, 58, 309
 Рябцевич В. Н. 21, 309
 Савицкий Г. 18, 309
 Саливон И. И. 47
 Сапега, кн. 18
 Сапочко Г. 18
 Святикас Е. 72, 76
 Седов В. В. 6, 13, 55, 72, 84, 87, 169,

171, 172, 173, 174, 175, 180, 319
 Седова М. В. 71, 74, 76, 85, 89, 91, 96, 133, 134, 180
 Сементовский А. М. 134
 Сергеева З. М. 173
 Сирпуть, кн. 183
 Сигизмунд, вел. кн. 11
 Сигизмунд III, вел. кн. 100
 Скирмунд, кн. 179
 Соколовский И. 165
 Соколовский, кс. 17
 Соловьёва Г. Ф. 112, 174
 Спицын А. А. 18, 19, 168, 309, 319
 Стрыйковский М. 165
 Судник Т. М. 184
 Талько – Гришцевич Ю. 51
 Татищев В. Н. 175
 Тегак Л. И. 47
 Терехин С. 132
 Товгивил, кн. 8
 Тройден, вел. кн. 183
 Трусов О. А. 158
 Тынисон Э. Ю. 118
 Тышкевич К. 18, 96
 Тышкевич Е. 18, 96
 Тэпшен М. 175
 Уваров А. С. 80
 Улащик Н. Н. 132
 Урбанавичене С. 71, 72, 76, 84, 86, 87, 96, 97, 99, 105, 112, 113, 120, 124, 125, 130, 140, 150, 153, 162
 Урбанавичнос В. 54, 71, 76, 80, 82, 84, 86, 87, 89, 91, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 110, 112, 120, 124, 125, 126, 127, 140, 150, 153, 162, 166
 Фадеева О. Е. 163
 Фехнер М. В. 76, 78, 80

Филевич И. 175
 Фицке Я. 21, 38, 101, 309
 Фоняков Д. И. 71
 Хачебой, хан 9
 Чаквин И. В. 103, 137
 Цабалска М. 150
 Чернявский М. М. 50
 Шварн Данилович, вел. кн. 8
 Шейн П. В. 187
 Шендрик Д. З. 165
 Шимелевич М. 183
 Шноре Э. Д. 79, 80, 82, 89
 Шпилевский П. М. 49, 79, 100, 103, 104, 177, 178, 187, 312
 Штыхов Г. В. 14, 22, 38, 60, 96, 112, 120, 124, 125, 131
 Шукевич В. А. 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 39, 41, 42, 51, 53, 55, 56, 60, 65, 66, 67, 71, 76, 79, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 94, 97, 99, 100, 105, 106, 107, 109, 111, 113, 114, 117, 118, 119, 120, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 133, 134, 135, 138, 141, 142, 144, 155, 159, 163, 168, 170, 308, 309, 313, 317, 318, 319, 322, 323, 324, 325
 Шульц Д. 175
 Шулицкий С. К. 187
 Шэгрэн П. 175
 Шапова Ю. Л. 78
 Эйгорн П. 164
 Ягайла, вел. кн. 10, 11, 164, 307
 Ярослав Мудрый, кн. 6
 Ярослав Святополчич, кн. 176
 Ярошевич Я. 175
 Ясканис Д. 21, 38, 71, 149, 309
 Ясканис Я. 21, 149
 Яшук Л. 103, 137

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ

№ на карте (рис. 1)	Название пункта, где расположен памятник	Сельсовет	Район	Область
1.	2.	3.	4.	5.
159.	д. Августово	Пышнянский	Ленельский	Витебская
164.	д. Алферовщина	Великодолицкий	Ушачский	Витебская
167.	д. Андрейки	Ульянский	Мядельский	Минская
24.	д. Антонович (бывш. Опаповцы)	Заболотский	Вороновский	Гродненская
26.	д. Бакуты	Бердовский	Лидский	Гродненская
63.	д. Бакисты	ц/сс	Щучинский	Гродненская
137.	д. Баранки	Видомлянский	Каменецкий	Брестская
169.	д. Баранцы	Осиповичский	Вилейский	Минская
157.	г.п. Бегомль	ц/сс	Докшицкий	Витебская
66.	д. Белавичи	Зарудавский	Мостовский	Гродненская
119.	д. Белавичи	Коссовский	Ивацевичский	Гродненская
27.	д. Беллица	ц/сс	Лидский	Гродненская
155.	д. Березино	Березковский	Докшицкий	Витебская
50.	д. Беристы	ц/сс	Щучинский	Гродненская
149.	д. Бобруйщина	Подевильский	Глубокский	Витебская
32.	д. Богданцы	Трабский	Ивьевский	Гродненская
2.	д. Большая Мыса	Белковичинский	Сморгонский	Гродненская
80.	д. Великая Светица	Вердамичский	Свислочский	Гродненская
81.	д. Великая Светица	Вердамичский	Свислочский	Гродненская
46.	д. Вензовицна (Борок)	Первомайский	Щучинский	Гродненская
45.	д. Вензовицна (ур. Гончариха)	Первомайский	Щучинский	Гродненская
135.	д. Верховичи	ц/сс	Каменецкий	Брестская
175.	д. Виверы	Городокский	Молодеченский	Минская
165.	д. Вирки	Кащинский	Чащинский	Витебская
108.	д. Вишево	Дервянский	Слонимский	Гродненская
152.	д. Волча	Бегомльский	Докшицкий	Витебская
129.	д. Волчи	ц/сс	Каменецкий	Брестская
51.	д. Воробы	Первомайский	Щучинский	Гродненская
44.	д. Ганельки	Первомайский	Щучинский	Гродненская
56.	д. Глебовцы	Головичпольский	Щучинский	Гродненская
180.	д. Горавец	Метижский	Борисовский	Минская
104.	д. Гольника	ц/сс	Зельвенский	Гродненская
10.	д. Гольяны	ц/сс	Ошмянский	Гродненская
7.	д. Гордичевы	Крейванцевский	Ошмянский	Гродненская
176.	д. Городок	ц/сс	Молодеченский	Минская
132.	д. Гурки	Ратайчицкий	Каменецкий	Брестская
85.	д. Даниловичи	Росский ц/с	Волковысский	Гродненская
128.	д. Дашевичи	Дмитровичский	Каменецкий	Брестская
22.	д. Дворчаны (ур. Карначиха)	Заболотский	Вороновский	Гродненская
92.	д. Деркачи	Крестьянский	Зельвенский	Гродненская
185.	д. Докучино	Октябрьский	Крупский	Минская
136.	д. Дмитриевичи	ц/сс	Каменецкий	Брестская
43.	д. Долбеньки	Первомайский	Щучинский	Гродненская
150.	д. Домашковичи	Бегомльский	Докшицкий	Витебская
161.	д. Домжарицы	ц/сс	Ленельский	Витебская
106.	д. Дорогобужка	Гольнковский	Зельвенский	Гродненская
17.	д. Дубинцы	Гирковский	Вороновский	Гродненская
183.	д. Дубовручье	Рованчский	Червенский	Минская
4.	д. Лукелли	Каменоложский	Ошмянский	Гродненская
41.	д. Дульки	Липнишковский	Ивьевский	Гродненская

1.	2.	3.	4.	5.
83.	д. Дыхновичи	Росский	Волковысский	Гродненская
153.	д. Жамойск	Березковский	Докшицкий	Витебская
6.	д. Жодовка	Крейванцевский	Ошмянский	Гродненская
182.	д. Жуковец	Березинский	Березинский	Минская
142.	д. Закросица	Залесский	Кобринский	Брестская
166.	д. Запчочье	Кащинский	Чащинский	Витебская
120.	д. Заполье	Бытенский	Ивацевичский	Брестская
31.	д. Збяны	Белицкий	Лидский	Гродненская
116.	д. Збочно	Озерницкий	Слонимский	Гродненская
48.	д. Зепяниши	Первомайский	Щучинский	Гродненская
70.	д. Зорой	Лезневичский	Дятловский	Гродненская
71.	д. Зорой	Лезневичский	Дятловский	Гродненская
141.	д. Зосимы	Буховичский	Кобринский	Брестская
99.	д. Иванковичи	Королитский	Зельвенский	Гродненская
170.	д. Ижа	ц/сс	Вилейский	Минская
68.	д. Каменка	Коптелевский	Новогрудский	Гродненская
168.	д. Каеута	Рабуцкий	Вилейский	Минская
143.	д. Кителевы	ц/сс	Кобринский	Брестская
35.	д. Кладенки	Гераненский	Ивьевский	Гродненская
8.	д. Клевина	Граужинковский	Ошмянский	Гродненская
94.	д. Клепачи	Туловский	Зельвенский	Гродненская
95.	д. Клепачи	Туловский	Зельвенский	Гродненская
114.	д. Клепачи (оз. Бездонное)	Озерницкий	Слонимский	Гродненская
115.	д. Клепачи	Озерницкий	Слонимский	Гродненская
58.	д. Кленяки	Бакштовский	Щучинский	Гродненская
100.	д. Климовичи	Гольнковский	Зельвенский	Гродненская
174.	д. Клыны	Курецкий	Вилейский	Минская
173.	д. Ковали	Ильянский	Вилейский	Минская
36.	д. Ковали	Трабский	Ивьевский	Гродненская
20.	д. Козлины	Заболотский	Вороновский	Гродненская
65.	д. Копаки	Коптевский	Гродненский	Гродненская
64.	д. Коматово	Обуховский	Гродненский	Гродненская
69.	д. Корница - II	Лезневичский	Дятловский	Гродненская
62.	д. Корсаки	Желудокский	Щучинский	Гродненская
121.	д. Косово	ц/сс	Ивацевичский	Брестская
30.	д. Косовицна	Бердовский	Лидский	Гродненская
61.	д. Косенево	Головичпольский	Щучинский	Гродненская
97.	д. Конели	Королитский	Зельвенский	Гродненская
40.	д. Красная Горка	Юратинковский	Ивьевский	Гродненская
73.	д. Крынки	Луцкий	Кореличский	Гродненская
74.	д. Крынки	Луцкий	Кореличский	Гродненская
72.	д. Кузьмичи	Лезневичский	Дятловский	Гродненская
21.	д. Кукли (Боярекие могилы)	Мисевичский	Вороновский	Гродненская
55.	д. Кульбачино	Остринский	Щучинский	Гродненская
42.	д. Купровичи	Лазуцкий	Ивьевский	Гродненская
5.	д. Курганы	Каменоложский	Ошмянский	Гродненская
113.	д. Куцейки	Костровичский	Слонимский	Гродненская
172.	д. Латыголь	Вязьинский	Вилейский	Минская
138.	д. Лашевичи	Видомлянский	Каменецкий	Брестская
60.	д. Лещанка	Лядский	Щучинский	Гродненская
87.	д. Лозы	Волковысский	Волковысский	Гродненская
111.	д. Лопухово	Мижевичский	Слонимский	Гродненская
144.	д. Лядовичи	Опольский	Ивановский	Брестская
33.	д. Макары	Трабский	Ивьевский	Гродненская
110.	д. Малая Крокотка	Павловский	Слонимский	Гродненская
171.	д. Малевичи	Ижский	Вилейский	Минская
145.	д. Малые Косичи	Тельминский	Брестский	Брестская
9.	д. Маркиняты (бывш. Маркентты)	Семеринковский	Ошмянский	Гродненская

1.	2.	3.	4.	5.
52.	д. Матюки	Бакигтовский	Щучинский	Гродненская
25.	д. Матюницы	Дотшиковский	Вороновский	Гродненская
91.	д. Мачульно	Красносельский	Волковысский	Гродненская
184.	д. Меженка	Крайский	Логойский	Минская
88.	д. Миневичина	Красносельский	Волковысский	Гродненская
76.	д. Минички	Пограничанский	Берестовицкий	Гродненская
123.	д. Млыны	Ратайчицкий	Каменецкий	Брестская
151.	д. Морговина	Бегомльский	Докшицкий	Витебская
19.	д. Моигуны	Мисевичский	Вороновский	Гродненская
181.	д. Метиж	ц/сс	Борисовский	Минская
1.	д. Нестаншкки	Сьрватковский	Сморгонский	Гродненская
90.	д. Новоселки	Красносельский	Волковысский	Гродненская
98.	д. Новоселки	Королинский	Зельвенский	Гродненская
67.	д. Новоселки	Лунинский	Моостовский	Гродненская
3.	д. Олешинки	Белковщинский	Сморгонский	Гродненская
75.	д. Ольшаны	Цыринский	Кореличский	Гродненская
84.	д. Оранцы	Субочский	Волковысский	Гродненская
124.	д. Панаюки	Дмитровичский	Каменецкий	Брестская
13.	д. Папковичи	Радунский	Вороновский	Гродненская
18.	д. Пеляса	Большинковский	Вороновский	Гродненская
53.	д. Первомайск (Дупич - Могилы)	ц/сс	Щучинский	Гродненская
148.	д. Перезов	Подевильский	Глубокский	Витебская
133.	д. Песчатка	Роснянский	Каменецкий	Брестская
57.	д. Плетки	Бакигтовский	Щучинский	Гродненская
77.	д. Плюскаловцы	Берестовицкий	Берестовицкий	Гродненская
89.	д. Подрось	Красносельский	Волковысский	Гродненская
158.	д. Пожарцы	Савицкий	Поставский	Витебская
118.	д. Потановичи	Жеребковский	Ляховичский	Брестская
140.	д. Пруск	Яковичский	Жабинковский	Брестская
59.	д. Пеляцы	Бакигтовский	Щучинский	Гродненская
12.	д. Пузелн (Лейцеканцине)	Начский	Вороновский	Гродненская
107.	д. Пустоборы	Гольниковский	Зельвенский	Гродненская
163.	д. Путниковичи	Великодольский	Ушачский	Витебская
139.	д. Ратайчицы	ц/сс	Каменецкий	Брестская
126.	д. Рожковка	Дмитровичский	Каменецкий	Брестская
96.	д. Ростевичи	Каролинский	Зельвенский	Гродненская
112.	д. Рудавка	Селявичский	Слонимский	Гродненская
38.	д. Сеньковичи	Львиницкий	Ивьевский	Гродненская
162.	д. Слободка	Бобровский	Лепельский	Витебская
177.	д. Слободка	Хожевский	Молодеченский	Минская
154.	д. Слобода	Березковский	Докшицкий	Витебская
101.	д. Снежная	Гольниковский	Зельвенский	Гродненская
102.	д. Снежная (бывш. хутор Красница)	Гольниковский	Зельвенский	Гродненская
11.	д. Соболюцы	Начский	Вороновский	Гродненская
117.	д. Соколово	Азгиновичский	Слонимский	Гродненская
147.	д. Спигальщина	Язненский	Минорский	Витебская
146.	д. Ставице	Мотыкальский	Брестский	Брестская
37.	д. Старая Вергаль	Геранецкий	Ивьевский	Гродненская
105.	д. Старое Село	Гольниковский	Зельвенский	Гродненская
160.	д. Ствольно	Домжарицкий	Лепельский	Витебская
82.	д. Студенки	Новодворский	Свислочский	Гродненская
134.	д. Суходол	Роснянский	Каменецкий	Брестская
54.	д. Сырни (ур. Бараньши)	Новодворский	Щучинский	Гродненская
47.	д. Табличи	Первомайский	Щучинский	Гродненская
14.	д. Талькушцы	Радунский	Вороновский	Гродненская
130.	д. Токари	Огородниковский	Каменецкий	Брестская
131.	д. Токари	Огородниковский	Каменецкий	Брестская
49.	д. Угольники			

1.	2.	3.	4.	5.
15.	(Девин-Могилы)	Первомайский	Щучинский	Гродненская
16.	д. Улановичина	Радунский	Вороновский	Гродненская
179.	д. Улановичина	Радунский	Вороновский	Гродненская
179.	д. Халхольца	ц/сс	Борисовский	Минская
34.	д. Харитоны	Трабский	Ивьевский	Гродненская
122.	д. Хидры	Щерчковский	Пружанский	Брестская
86.	д. Хотьковцы	Волковысский	Волковысский	Гродненская
127.	д. Хвояновка	Дмитровичский	Каменецкий	Брестская
125.	д. Чвирки	Дмитровичский	Каменецкий	Брестская
178.	д. Черневичи	ц/сс	Борисовский	Минская
39.	д. Чешейки	Юратинковский	Ивьевский	Гродненская
93.	д. Шейки	Туловский	Зельвенский	Гродненская
156.	д. Шкляны	Березковский	Докшицкий	Витебская
23.	д. Шловены	Заболотский	Вороновский	Гродненская
103.	д. Шуляки	Сытковичский	Зельвенский	Гродненская
28.	д. Шурок (Мльн)	Бердовский	Лидский	Гродненская
29.	д. Шурок (Гребля)	Бердовский	Лидский	Гродненская
109.	д. Юхновичи	Селявичский	Слонимский	Гродненская
78.	д. Ялово	Новодворский	Свислочский	Гродненская
79.	д. Ятвесск	Незбодичский	Свислочский	Гродненская